

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

4

---

1 9 6 2

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Олтинчи йил нашри

4

1962

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЕТИ
Т О Ш К Е Н Т

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания шестой.

4

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*); акад.
АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад.
АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУ-
ЛЯМОВ, член-корр. АН УзССР А. И. ИШАНОВ, член-корр.
АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор ист. наук А. Х. БА-
БАХОДЖАЕВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ, канд.
ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук А. Қ. ВА-
ЛИЕВ (*зам. редактора*), канд. филол. наук Х. Т. ЗАРИПОВ,
канд. иск. наук Ф. М. ҚАРОМАТОВ, канд. филол. наук
Х. ҚУРБАНОВА, канд. филол. наук А. П. ҚАЮМОВ, канд.
ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙ-
РУЛЛАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Х. П. ПУЛАТОВ

НАШ ЛЕНИН

22 апреля 1962 г. советский народ вместе со всем прогрессивным человечеством торжественно и радостно отмечает знаменательную дату — 92-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина — организатора Коммунистической партии и основателя Советского государства, гениального мыслителя и пламенного борца за народное счастье, великого друга, учителя и вождя трудящихся всего мира.

Все, что есть в мире лучшего, нового, светлого, все выдающиеся события нашей эпохи неразрывно связаны с именем Ленина, с его кипучей революционной деятельностью, с его вечно живым и непрерывно развивающимся учением — ленинизмом.

Никогда еще после Маркса история не выдвигала такой гигантской фигуры, как Ленин. Мир не знает другого мыслителя и политического деятеля, который оказал бы такое могучее воздействие на весь ход развития человечества, который был бы так тесно связан с народными массами — подлинными творцами истории.

Великий продолжатель дела Маркса и Энгельса Ленин в упорной борьбе с оппортунистами и ревизионистами всех мастей не только отстаивал чистоту и революционный дух марксистского учения, но и развил далее теорию научного коммунизма, обогатив ее новыми важнейшими выводами и положениями, соответствующими новой исторической эпохе — эпохе империализма и пролетарских революций, эпохе крушения капитализма и торжества социализма и коммунизма.

Марксизм-ленинизм всесилен своим научным предвидением, теснейшей связью революционной теории с практикой революционного движения масс.

Именно это глубоко научное предвидение, основанное на всестороннем анализе исторической действительности, дало возможность Ленину определить эпоху империализма как высшую и последнюю стадию капитализма, как эпоху крушения загнивающего капитализма и торжества социалистической революции.

Ленин открыл закон неравномерности общественного развития различных стран при империализме и научно обосновал возможность победы социализма первоначально даже в одной, отдельно взятой стране; развил марксистское учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата; открыл Советы, как политическую форму диктатуры пролетариата; научно определил основные пути и задачи переходного периода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин был не только гениальным мыслителем, но и выдающимся политическим деятелем, организатором и вождем миллионных масс, замечательным мастером революционного действия. Он создал партию нового типа — Коммунистическую партию — и повел ее на

штурм капитализма. Под руководством Коммунистической партии во главе с великим Лениным наш народ свершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, открывшую новую эру в истории человечества.

Став во главе первого в мире социалистического государства, В. И. Ленин с непревзойденным мастерством провел его через величайшие трудности и испытания, выпавшие на долю нашей страны в первые годы Советской власти.

Ленин разработал конкретный план строительства социализма в нашей стране и успел заложить первые краеугольные камни в осуществлении этого плана. Живая душа ленинского плана социалистического строительства — это политика индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции.

Вооруженная гениальным ленинским планом построения социализма, воплощенным во второй Программе партии, Коммунистическая партия, преодолевая все трудности, смело и уверенно повела советский народ к новой жизни и в исторически короткий срок обеспечила полную и окончательную победу социализма в СССР.

«Социализм, неизбежность которого была научно предсказана Марксом и Энгельсом, социализм, план построения которого начертал Ленин, стал в Советском Союзе реальной действительностью»¹.

Из некогда отсталой, аграрной, нищей и неграмотной страны наша Родина благодаря героическому труду советского народа, руководимого Коммунистической партией, превратилась в могучую социалистическую державу с высокоразвитой индустрией, самым крупным в мире механизированным сельским хозяйством, самой передовой наукой и культурой, страну первых в мире атомных электростанций, космических кораблей и космонавтов.

В нашей стране победившего социализма впервые в мировой истории получили блестящее и окончательное разрешение такие сложнейшие социальные проблемы, как рабочий вопрос, аграрный вопрос, женский вопрос и многие другие совершенно не разрешимые в условиях эксплуататорского общества проблемы.

Одним из величайших завоеваний социализма является разрешение национального вопроса, имеющего особое значение для такой многонациональной страны, как Советский Союз.

«В социалистическом обществе не только обеспечено политическое равноправие наций, создана советская национальная государственность, но и ликвидировано унаследованное от старого строя их экономическое и культурное неравенство. Опыт СССР доказал, что только победа социалистической революции создает все возможности и условия для уничтожения всякого национального гнета, для добровольного объединения свободных и равноправных наций и народов в едином государстве»².

Торжество мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства ярко видно на примере расцвета экономики и культуры Советского Узбекистана. Под руководством Коммунистической партии, опираясь на братскую помощь великого русского народа и других народов нашей страны, узбекский народ за годы Советской власти прошел огромный путь от вековой отсталости к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В республике созданы современная промышленность, много-

¹Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 14.

² Там же, стр. 16, 8.

численные национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, высокоразвитое многоотраслевое сельское хозяйство, цветущая культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

Так советская действительность блестяще подтвердила глубокую правоту ленинского учения о возможности перехода к социализму ранее отсталых народов, минуя стадию капитализма. Тесное сплочение равноправных советских социалистических наций в едином многонациональном государстве — Союзе ССР, — великая дружба народов СССР, мощный расцвет их экономики и культуры — таков важнейший итог ленинской национальной политики.

Все грандиозные свершения советского народа — это плоды неуклонного осуществления Коммунистической партией гениальных идей Владимира Ильича Ленина. Его учение освещает нам путь к коммунизму. И ныне, когда наша страна приступила к развернутому строительству коммунизма, Коммунистическая партия ведет нас вперед под испытанным знаменем марксизма-ленинизма, творчески развивая и обогащая его в новой исторической обстановке.

Ленинскими идеями о строительстве коммунизма в нашей стране проникнуты исторические решения XX, XXI и XXII съездов партии. Учением великого Ленина неуклонно руководствуется в своей теоретической и практической деятельности Центральный Комитет нашей партии во главе с верным ленинцем, неутомимым борцом за дело коммунизма Никитой Сергеевичем Хрущевым.

В последние годы, особенно после XX съезда КПСС, Коммунистическая партия и ее ленинский Центральный Комитет проделали огромную работу по восстановлению ленинских норм жизни партии и государства и дальнейшему развитию советской демократии.

Партия покончила с культом личности Сталина, ликвидировала его отрицательные последствия и разгромила антипартийную фракционную группу Молотова, Кагановича, Маленкова и других, пытавшихся свернуть нас с ленинского курса.

Ленинское учение о построении коммунизма нашло свое яркое выражение и дальнейшее развитие в выдающемся документе современности — новой Программе КПСС, — воплотившей в себе коллективную творческую мысль партии.

Выступая на XXII съезде партии, Н. С. Хрущев говорил: «При подготовке третьей Программы мы постоянно советовались с Лениным, исходили из его прозорливых начертаний, из его гениальных идей о строительстве социализма и коммунизма. Поэтому мы с полным основанием можем и эту Программу назвать ленинской»³.

В новой Программе КПСС — этом подлинном Коммунистическом манифесте нашей эпохи — получила дальнейшее всестороннее развитие теория научного коммунизма, созданного Марксом — Энгельсом — Лениным. Программа партии творчески обобщает практику строительства социализма, учитывает опыт революционного движения во всем мире и определяет главные задачи и основные этапы коммунистического строительства.

Программа КПСС дает глубоко научную характеристику современной эпохи, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Программа четко определяет конкретные задачи Коммунистической партии Советского Союза по строительству коммунистического общества: в области соз-

³ Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 4.

дания и развития материально-технической базы коммунизма; в области подъема материального благосостояния советского народа; в области государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии; в области национальных отношений; в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры; в области партийного строительства и т. д.

Новая Программа партии охватывает и блестяще решает колоссальный круг проблем научного коммунизма, самых животрепещущих вопросов современности. Особенно ценным вкладом в развитие теории марксизма-ленинизма является разработка теоретических проблем создания материально-технической базы коммунизма, формирования коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека — строителя и члена коммунистического общества.

«Мы ценим коммунизм только тогда, — говорил В. И. Ленин, — когда он обоснован экономически»⁴. Ленин указывал, что коммунизм можно построить только при достижении высокого уровня развития производительных сил. На этом положении и основана его гениальная формула: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Следуя ленинским заветам, партия в своей новой Программе четко охарактеризовала сущность материально-технической базы коммунизма, показала пути ее создания и конкретно определила тот уровень развития производительных сил в городе и деревне, который необходим для построения коммунистического общества.

Глубокую научную разработку получили в Программе партии такие исключительно сложные и важные проблемы, как вопрос о путях перехода советской деревни к коммунизму; о сближении и последующем слиянии колхозно-кооперативной собственности с общенародной в единую коммунистическую собственность; о ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней; об устранении существенных различий между умственным и физическим трудом; о ликвидации классовых различий и создании бесклассового общества в нашей стране; о путях формирования человека коммунистического общества; о завершении культурной революции и т. д.

Огромное теоретическое и практическое значение имеют положения Программы о превращении Советского государства из органа диктатуры пролетариата в общенародное государство; о задачах государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии в период коммунистического строительства; о судьбах государства при коммунизме.

Исключительный интерес представляет раздел Программы, посвященный задачам партии в области национальных отношений. В Программе партии и докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС содержатся важнейшие теоретические выводы о перспективах развития советских социалистических наций, их все более тесном сближении и создании в СССР совершенно новой исторической общности людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты.

Колоссальное воспитательное значение имеет сформулированный в Программе партии моральный кодекс строителя коммунизма, который уже сейчас становится нормой жизни миллионов советских людей.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 168.

Советский народ с огромным воодушевлением воспринял исторические решения XXII съезда партии и новую Программу КПСС и прилагает все силы к быстрейшему осуществлению великого плана строительства коммунизма.

Исторические решения XXII съезда КПСС, новая Программа нашей партии, развернутое строительство коммунизма в СССР имеют колоссальное международное значение.

Коммунистическая партия, как указывается в Программе КПСС, рассматривает строительство коммунизма в СССР как составную часть созидания коммунистического общества народами всех стран мировой социалистической системы.

«Осуществление Программы нашей партии окажет глубочайшее воздействие на ход мировой истории.

Силой своего примера строящийся коммунизм привлекает под знамя марксизма-ленинизма новые сотни миллионов людей труда во всем мире»⁵.

Мы живем в эпоху всемирного торжества бессмертных идей Ленина, все шире распространяющихся по всему земному шару. Все более могучей становится мировая система социализма; растет и крепнет мировое коммунистическое и рабочее движение; усиливается мощное национально-освободительное движение колониальных и зависимых народов, сокрушающее прогнившую колониальную систему империализма. Все более сплоченным становится движение борцов за мир, против гонки вооружений и угрозы термоядерной войны.

Могучим оплотом мира во всем мире является великий лагерь социализма во главе с Советским Союзом. «Социализм предложил человечеству единственно разумный принцип отношений между государствами в условиях разделения мира на две системы — принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, выдвинутый Лениным»⁶.

Коммунизм не нуждается в войнах для утверждения своей победы. Коммунистические партии никогда не занимались экспортом революции, ибо «революция не происходит по заказу. Ее нельзя навязать народу извне. Она возникает в результате глубоких внутренних и международных противоречий»⁷.

Великие цели рабочего класса могут быть осуществлены без мировой войны. Путь к коммунизму — это путь всех народов. Советский Союз проложил столбовую дорожку к социализму и ныне впервые в мировой истории прокладывает путь к коммунизму. По этому пути, озаренному немеркнущим светом ленинских идей, уже идут многие народы. По нему рано или поздно пойдет все человечество.

⁵ Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза, стр. 99.

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 59.

⁷ Там же, стр. 39.

Ю. Д. СТОЛЯРОВА

В. И. ЛЕНИН О ПРЕКРАСНОМ В ИСКУССТВЕ

В многогранной творческой деятельности В. И. Ленина получили дальнейшее развитие важнейшие проблемы искусства и эстетики, в том числе проблема прекрасного.

Ленинские работы по философии («Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др.), статьи о Льве Толстом, идеи о партийности искусства, переписка с М. Горьким, И. Арманд, беседы с А. В. Луначарским, В. В. Воровским, К. Цеткин, и наконец, личные склонности В. И. Ленина к тем или иным произведениям искусства позволяют нам выяснить его взгляды на прекрасное.

По свидетельству и воспоминаниям многих современников, Ленин был глубоким знатоком и тонким ценителем истинно прекрасного в искусстве. Посещение им музеев Лондона, Парижа, Рима, Москвы и Петербурга, где собраны сокровища мировой живописи и скульптуры, любовь к музыке (Бетховен, Чайковский, Лист, Даргомыжский, Шуман и др.), глубокое знание мировой классической прозы и поэзии говорят об огромной эрудиции В. И. Ленина. Известно также, что его личная библиотека содержит свыше 100 классических трудов по эстетике и искусству.

Первостепенное значение эстетических концепций В. И. Ленина для развития искусства признавали такие выдающиеся деятели культуры, как М. Горький, А. В. Луначарский, Р. Роллан и др. Они отмечали изумительную способность В. И. Ленина раскрывать сложнейшие закономерности художественного развития в связи с историческим процессом, его глубокое понимание специфики искусства.

«Говоря о пути развития советской культуры, — вспоминает известный архитектор И. В. Жолтковский, — Ленин во время одной из бесед горячо отстаивал подлинную красоту в искусстве. Надо, сказал он, исходить от прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества»¹.

Надо сказать, что Владимир Ильич с присущей ему необычайной скромностью весьма неохотно высказывался по проблемам искусства, считая себя недостаточно компетентным в этой области. С глубоким сожалением сказал он как-то А. В. Луначарскому, просматривая коллекцию изданий, посвященных крупнейшим художникам мира: «Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для марксиста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством»².

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве, М., ГИХЛ, 1957, стр. 597.

² Там же, стр. 587.

Для В. И. Ленина эстетическое познание было частью общего процесса познания действительности. Наши представления, понятия и образы отражают закономерный процесс развития природы и общества. Поэтому теоретической основой ленинских взглядов на прекрасное является философия диалектического материализма.

Вместе с тем В. И. Ленин обладал необыкновенной способностью тонко чувствовать красоту искусства, т. е. подходил к его оценке и как художник, и как мыслитель. Уже одна только ленинская оценка творчества Л. Н. Толстого как художника говорит о том, что в лице В. И. Ленина научная марксистская эстетика нашла одного из своих гениальных представителей.

Не было и нет в мировой эстетике таких поражающих глубиной и монументальностью оценок творчества художника. Какой мощью и неподдельным пафосом дышат слова Ленина, определяющие творчество Л. Н. Толстого «как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»³.

Чтобы так оценить историческое значение художественного наследия Л. Н. Толстого, чтобы увидеть в нем выражение художественного развития всего человечества, необходимо было обладать гениальным умением применять диалектику к объяснению самых сложных явлений в истории искусства.

Лев Толстой, писал В. И. Ленин, это гениальный художник, давший несравненные картины русской жизни, первоклассные произведения мировой литературы, выступавший с исключительно сильным и искренним протестом против общественной лжи и фальши, разоблачавший капиталистическую эксплуатацию, правительственные махинации, церковь, жандармерию, суд, срывавший все и всяческие маски. Толстой сумел в своих произведениях поставить великие вопросы современной ему жизни; с огромной силой передал он настроения широких масс, угнетенных буржуазно-помещичьим строем, выразил их стихийное чувство протеста и негодования. Произведения такого художника отличаются большой правдивостью, убедительностью и красотой. Чем точнее отражает художник действительность, чем идеальнее он передает ее в художественных образах, тем, по Ленину, совершеннее, прекраснее произведение искусства.

В. И. Ленин рассматривал значение и объективную ценность любого произведения искусства с точки зрения служения идеалам социализма. Во имя осуществления светлой мечты человечества — построения коммунизма — «весь арсенал ума — искусство, литературу, науку, — мобилизует он для действия, вплоть до самых стихийных порывов, до подсознательных глубин существа, вплоть до мечты»⁴.

В. И. Ленин учил, что создание истинно прекрасных произведений, в которых отражен исторический опыт человечества, немислимо, если художник не живет коренными интересами своей эпохи и своего народа. Вот почему прекрасны лишь те произведения искусства, которые правдиво раскрывают явления действительности и сочетают в себе познавательную и воспитательную функции.

«Ильич хорошо знал русскую литературу, — вспоминает Н. К. Крупская, — она была для него орудием познания жизни. И чем полнее, всестороннее, глубже отражали художественные произведения жизнь, чем проще они были, тем больше ценил их Ильич»⁵.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

⁴ Р. Роллан, Собрание сочинений в 14 томах, т. 13, М., ГИХЛ, 1958, стр. 559.

⁵ В. И. Ленин о литературе и искусстве, стр. 560.

Русская классическая и революционно-демократическая литература (Пушкин, Чернышевский, Щедрин, Толстой), живопись (Репин, Крамской, Суриков), музыка (Чайковский, Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков) были не только орудием познания жизни, но и сыграли, как писал Ленин, огромную роль в формировании революционно-демократических настроений широких кругов русского общества.

Передовое русское реалистическое искусство, особенно близкое В. И. Ленину за его прогрессивные идеи и революционно-демократические традиции, выполняло громадную воспитательную работу. Оно расшатывало устой самодержавно-полицейского государства, будило широкие слои русского общества на священную борьбу во имя светлого будущего России.

В. И. Ленин всю свою жизнь преклонялся перед талантом и жизнью великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Он говорил, что от его произведений «веет духом классовый борьбы». В юные годы В. И. Ленин прочел все произведения Н. Г. Чернышевского «с карандашиком в руках». «От доски до доски,— говорил В. И. Ленин в беседе с В. В. Воровским, И. С. Гусевым и Н. А. Валентиновым,— были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве, литературе»⁶.

Лениным были прочитаны и художественные произведения великого русского писателя, а его роман «Что делать?» был одним из любимейших произведений Ильича. «Чернышевского Ленин считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова.

— Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет...»⁷ — говорил В. И. Ленин в беседе с М. Эссен.

В. И. Ленин оценивал всякое произведение искусства прежде всего по его идейному содержанию. Достаточно вспомнить ленинскую оценку творчества Некрасова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Успенского и других русских писателей.

Большое познавательное и воспитательное значение увидел Ленин в творчестве Глеба Успенского, правдиво раскрывавшем картину жизни пореформенной России. «... Социал-демократы,— писал Ленин,— всегда будут любить и читать Г. И. Успенского, как одного из тех глубоко искренних наблюдателей и мыслителей, которые — где бы ни была их любовь — в прошедшем или в будущем — в силу своей великой правдивости помогают все большему и большему выяснению того единственного пути, который идет через социальную революцию пролетариата»⁸.

Огромную социально-политическую значимость видел В. И. Ленин в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Хорошо бы вообще от времени до времени,— писал он в редакцию газеты «Правда»,— вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии»⁹.

В беседе с Кларой Цеткин В. И. Ленин говорил о колоссальной действительной, объединяющей силе искусства. Искусство принадлежит

⁶ Н. Валентинов, Встречи с В. И. Лениным, «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 133.

⁷ Ленин о литературе и искусстве, стр. 573.

⁸ Г. И. Успенский в русской критике, М., ГИХЛ, 1961, стр. 56

⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 31—32.

народу. Оно должно уходить своими корнями в самую толщу народных масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их¹⁰.

«Равнодушие к борьбе..., — указывал В. И. Ленин, — есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. Кто был равнодушен в России к самодержавию до его падения во время октябрьской революции, тот молчаливо поддерживал самодержавие.. Политическое безразличие есть политическая сытость»¹¹.

Эти же мысли были развиты В. И. Лениным в его статье «Партийная организация и партийная литература», открыто провозгласившей, что художник должен служить делу революционного преобразования мира.

Итак, основной аспект ленинских взглядов на прекрасное в искусстве состоит в определении объективного критерия прекрасного — открытое служение последовательной борьбе за истинно прогрессивные общественные идеалы.

В беседе с Кларой Цеткин В. И. Ленин говорил, что важно не наше личное мнение об искусстве, важно то, что оно дает миллионам трудящихся, которые «составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»¹².

Интересны и другие факты, говорящие о целостности ленинской натуры. Чисто виртуозная музыка, например, утомляла его, ибо форма, лишенная глубокого содержания, не могла удовлетворить высокие эстетические вкусы Ленина. Об этом говорится и в воспоминаниях И. Березина. О стихах Бальмонта или Блока Ленин говорил: «Звучит неплохо, плавно написано, но смысла в этом все-таки мало»¹³.

Придавая огромное значение содержанию, идейности искусства, служению интересам народа, В. И. Ленин ни на минуту не забывал о специфике искусства, как художественного познания действительности. Вспомним его мудрейшие слова: «Без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹⁴. Познать жизнь, действительность, истину невозможно без человеческих эмоций, тем более художнику, который прежде всего влияет на человеческие чувства. В беседе с М. Эссен, которая говорила, что она не может читать без слез поэму Некрасова «Русские женщины», Ленин сказал: «Вот в этом и сила художника, берет за живое»¹⁵.

Советуя М. Горькому уехать из Питера, чтобы почувствовать жизнь, настроения и думы масс, Ленин писал: «Одно дело — видеть, другое дело ежедневно во всей жизни ощущать прикосновение»¹⁶.

Исходя из теории познания диалектического материализма, Ленин учил, что жизнь многограннее, ярче, богаче, чем наши понятия, мысли, представления о ней, и искусство создает тем более богатые по своей красоте произведения, чем они лучше отражают полноту жизни. Жизнь выше искусства, жизнь прекраснее, чем произведения художника, который учится у жизни. Чем полнее, идеальнее художник познает жизнь, чем эмоциональнее его восприятие, тем лучше воспринимается произведение искусства читателем, слушателем.

Тенденциозность губит искусство, когда она навязана извне, когда она выражена художественно неполноценными средствами. Там, где

¹⁰ В. И. Ленин, о литературе и искусстве, стр. 583.

¹¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 61.

¹² Там же, стр. 31.

¹³ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, М., Госполитиздат, 1960, стр. 85.

¹⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 237.

¹⁵ В. И. Ленин о литературе и искусстве, стр. 574.

¹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 348.

изобразительные средства художественно совершенны, где идея идет из глубины произведения: художник создает бессмертное произведение.

Отсюда следует второй аспект, в котором выражается представление В. И. Ленина о прекрасном в искусстве, — сила воздействия заложенных в произведениях искусства идей зависит от высокохудожественной формы, в которой они воплощаются, от мастерства художника. Художественный образ должен раскрывать смысл явлений и давать им эстетическую оценку, эстетически утверждая или отрицая их. Произведения искусства должны поднимать душу человека, заставлять звучать в ней такие струны, которые ему нужны в практике, в историческом действии. Прекрасны лишь те произведения искусства, которые вносят своим содержанием и формой оптимизм в психологию революционного класса.

В. И. Ленин первым в учении о прекрасном придал такому эмоциональному состоянию, как радость, вызываемая искусством, значение критерия, позволяющего судить о его совершенстве и красоте.

Глядя как-то на футуристические полотна, В. И. Ленин сказал: «Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости»¹⁷.

А вот что говорил Ленин о творчестве Бетховена:

«Ничего не знаю лучше «Аpassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной думаю: вот какие чудеса могут делать люди»¹⁸.

Вспомним известную картину Н. Жукова «Аpassионата». Художник изобразил В. И. Ленина, слушающего музыку Бетховена, поглощенного в свои великие думы, мечтающего о чем-то большом, возможно, о смысле человеческой жизни, возможно, о тех чудесах, которые могут делать люди, о красоте, которую они создают.

Бетховенский гений, воплотивший в музыке общечеловеческое начало, мечты о прекрасном, волновал В. И. Ленина. Мятельный дух, таившийся в музыке Бетховена, благородный протест против несправедливости, непримиримость к деспотизму, вера в торжество прогресса, выраженные в ней с потрясающей художественной силой, вызывали у Ленина сильные чувства.

Доставление человеку радости, счастья, умение разъяснить ему высокие идеалы, вдохновить его, воспитывать в человеке чувство прекрасного, высокие моральные качества, сделать его художником, творцом — вот истинно прекрасная и благородная задача художника.

Мы идем «к воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, — говорил Ленин, — людей, которые умеют все делать. К этому коммунизм идет, должен идти и придет»¹⁹.

Это означает формирование всесторонне развитого человека, способного не только к активному художественному восприятию прекрасного, но и к созиданию, к творчеству «по законам красоты».

В. И. Ленин связывал проблемы красоты искусства с процессом социального раскрепощения и эстетического обогащения каждого трудящегося, с его творчеством нового мира, мира свободного и радостного труда, коммунистического общества.

Взгляды В. И. Ленина на прекрасное в искусстве развивали А. В. Луначарский, В. Е. Воровский, М. Горький, К. Цеткин, С. М. Киров, С. Шаумян и др.

¹⁷ В. И. Ленин о литературе и искусстве, стр. 583.

¹⁸ Там же, стр. 567.

¹⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 32.

Неоценимое значение ленинского учения о прекрасном в искусстве состоит в том, что оно выполняет задачу огромной важности: воспитывает человека, содействует его закономерному переходу из царства необходимости в царство свободы.

Искусство должно развивать у человека эмоции, которые включают его в активную борьбу за претворение в жизнь коммунистического идеала. Формирование человека нового мира, нормой поведения которого станет моральный кодекс коммунизма, соблюдаемый в силу внутренней убежденности, требует огромного воздействия со стороны всех видов литературы и искусства.

Эстетическое воспитание широчайших масс трудящихся является одной из важнейших идеологических задач, поставленных XXII съездом КПСС. Роль художника ныне безмерно возрастает, его произведения, как говорится в Программе партии, должны «служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания»²⁰.

Сбывается великое предвидение В. И. Ленина о том, что раскрепощенные и освобожденные от бремени изнурительного труда народные массы приобщатся к подлинно прекрасному искусству. «На этой почве, — говорил Ленин, — должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство»²¹.

Партия призывает деятелей советской литературы и искусства активно содействовать своим творчеством созданию «всех необходимых идеологических и культурных условий для победы коммунизма»²². И многонациональная армия советской художественной интеллигенции, руководствуясь бессмертными ленинскими идеями, развитыми в новой Программе КПСС, стремится внести достойный вклад в строительство коммунизма в нашей стране.

Ю. Д. Столярова

В. И. ЛЕНИН САНЪАТДА ГЎЗАЛЛИҚ ҲАҚИДА

Мақолада В. И. Лениннинг кўпдан-кўп асарлари, хатлари ва оғзаки мулоҳазаларида ифода этилган эстетик қарашлари, унинг санъатда гўзаллик ҳақидаги фикрлари баён этилади.

²⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Изд-во «Правда», 1961, стр. 131.

²¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве, стр. 585.

²² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 129.

Е. И. ГОСТЕЕВА

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТ

(К 150-летию со дня рождения А. И. Герцена)

6 апреля 1962 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Александра Ивановича Герцена — великого русского революционера-демократа, философа-материалиста, публициста и писателя, «сыгравшего великую роль в подготовке русской революции»¹. Эту славную дату широко отметил весь советский народ, в том числе и трудящиеся нашей республики, свято хранящие память о великом борце за свободу и счастье народа.

Жизнь и творчество А. И. Герцена проходили в период, когда Россия переживала острый кризис крепостнической системы. Старые производственные отношения пришли в противоречия с производительными силами; в рамках феодализма складывался и развивался капитализм. В этих условиях назрел вопрос об отмене крепостного права, ставший главным вопросом идеологической борьбы. Все прогрессивные силы русского общества в 40—60-х годах XIX в. боролись за коренное общественное преобразование России; передовая наука, литература и искусство—все было направлено на обоснование необходимости отмены крепостного права.

В России наступила новая эпоха в развитии общественной мысли, новый этап освободительного движения. Одним из зачинателей этого нового, прогрессивного движения стал Александр Иванович Герцен.

Герцен был выходцем из дворян. Но уже с юношеских лет он понял, что самодержавие и крепостничество губят Россию, тормозят развитие страны, держат в нищете и неравенстве русский народ. Казнь декабристов потрясла юного Герцена, и вместе со своим другом Н. И. Огаревым он поклялся продолжать борьбу декабристов за революционное преобразование России.

Восстание декабристов, говорил Ленин, разбудило и «очистило» Герцена. Но он сумел критически подойти к движению декабристов, считая главной их ошибкой боязнь народа, отрыв от масс, неверие в их революционные силы. Учитывая опыт революционного движения того времени, Герцен пришел к выводу, что в России революция может победить—только как народная, крестьянская революция.

Герцен был идеологом крестьянства, основоположником «русского» социализма, «народничества». Он обосновывал и пропагандировал идеи революционно-демократического преобразования страны, революционного свержения царизма, уничтожения крепостничества и установления в стране демократического общественного строя.

Уже с середины 30-х годов Герцен вступает в активную борьбу с идеологами крепостничества и буржуазно-дворянского либерализма, с

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 9.

идеалистами и клерикалами, славянофилами и космополитами-западниками.

Царские власти преследовали «смелого вольнодумца, весьма опасного для общества», и в 1847 г. Герцен вынужден был покинуть Россию. Но, оказавшись вдали от Родины, он продолжал вести борьбу против царизма. С 1857 г. Герцен вместе с Огаревым стал издавать в Лондоне знаменитый «Колокол», получивший широкую популярность в России. Герцен и Огарев печатали в «Колоколе» статьи, выражавшие самые смелые для того времени революционные идеи, требовали освобождения крестьян от крепостной зависимости, призывали народ к топору, доказывали решающую роль народа в преобразовании общества. «Колокол» выступал также в защиту революционного движения народов Польши, Украины, Белоруссии, Финляндии, Армении, содействуя их освободительной борьбе.

«Герцен,—указывал В. И. Ленин,—создал вольную русскую прессу за границей—в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»².

Активная революционно-демократическая, антикрепостническая деятельность Герцена оказала большое влияние на формирование его философских взглядов. Страстный борец за освобождение своего народа, Герцен в то же время был воинствующим материалистом. Он разрабатывал такие вопросы теории, которые были связаны непосредственно с практикой, с жизнью.

Видя задачу философии в научном обосновании практической деятельности, Герцен резко критиковал Гегеля за отвлеченность его философии и выдвигал задачу тесного союза философии с естествознанием, с конкретными науками.

В своем основном труде — «Письма об изучении природы» — Герцен дает резкую критику идеализма. Главный недостаток гегелевской философии он видел в ее идеализме и обвинял Гегеля в том, что он понимал природу «как прикладную логику, а не логику как отвлеченную разумность природы и истории».

Борясь с идеализмом Гегеля, Герцен отстаивал положение о материальности мира и закономерности его развития. Сознание он рассматривал как продукт высокого развития материи, а историю мышления — как продолжение и следствие развития природы, как отражение истории человечества³.

В теории познания Герцен также стоял на материалистических позициях. Он считал мир вполне познаваемым и придавал большое значение чувственному знанию в процессе познания, рассматривая чувственные впечатления как образы предметов объективного мира. Герцен высказывался за соединение чувственного и рационального познания. «Опыт и умозрение, — говорил он, — две необходимые, истинные, действительные степени одного и того же знания»; «это — два магдебургские полушария, которые ищут друг друга и которых, после встречи, лошадьми не разорвешь»⁴.

Герцен стремился рассматривать явления природы диалектически. Усвоив диалектику Гегеля и поняв, что она представляет собой «алгебру революции»⁵, Герцен критиковал Гегеля за то, что он развивал

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 12.

³ См. А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. 1, М., 1946, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 97.

⁵ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10.

диалектику на идеалистической основе. В этом он видел источник противоречия и непоследовательности гегелевской философии. «Гегель не дошел до всех откровенных и прямых результатов своих начал»⁶, а потому он, «введя начало, боялся признаться во всех его следствиях»⁷.

Герцен понимал, что диалектический метод может развиваться дальше только на почве материалистической системы философии, и стремился проводить это требование в жизнь, соединять диалектику с материализмом.

Стремясь применить диалектический метод к явлениям материального мира, Герцен требовал рассматривать природу в постоянном изменении и развитии: «Природу, — говорил он, — остановить нельзя: она — процесс, она — течение, перелив, движение...»⁸.

Развитие явлений природы Герцен рассматривал как процесс борьбы нового со старым, уходящим: «Побежденное и старое не тотчас сходит в могилу; долговечность и упорность отходящего основаны на внутренней хранительной силе всего сущего: ею защищается донельзя все однажды призванное к жизни; всемирная экономия не позволяет ничему сущему сойти в могилу прежде истощения всех сил. Консервативность в историческом мире так же верна жизни, как вечное движение и обновление»⁹.

Взгляд на развитие как на переход от низших форм к высшим, от простого к сложному Герцен распространял и на общество, которое, по его мнению, развивается поступательно, восходя от низшего к высшему по спирали.

Высказывая эту мысль, Герцен приближался к материалистическому пониманию истории, так как общественную жизнь он рассматривал как органическую часть объективного мира, природы, а не как результат развития идеи, самосознания.

Большое внимание Герцен уделял выяснению источника движения. Отвергая абсолютную идею Гегеля, Герцен считал, что источник движения находится в самой материи. Жизнь есть соединение начал в самой действительности, отсюда источником движения является борьба противоположных тенденций: «Природа на каждом шагу учит нас понимать противоположное в сочетании; у ней бесконечное не отделено от конечного, вечное от временного, единство от разнообразия»¹⁰.

Герцен не смог дать всестороннего материалистического обоснования важнейшего закона единства и борьбы противоположностей как основы движения и развития природы и общества. Но общей причиной развития природы и общества он считал противоречия, противоположности, заключенные в самих явлениях.

Развитие Герцен понимал как разрешение противоположностей в борьбе. Он говорил, что развитие состоит в разрешении борьбы противоречий, а не в примирении, не в снятии их, и с этих позиций критиковал Гегеля за примирение противоречий в общественной жизни¹¹.

Применение Герценом диалектики к явлениям природы, общества и мышления несомненно помогло ему правильно понять многие важнейшие проблемы общественной жизни. Материализм его имел творческий характер. Герцен стремился связать свои философские взгляды с достижениями естественных наук своего времени, с практикой освободи-

⁶ А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. 1, стр. 121.

⁷ Там же, стр. 65.

⁸ Там же, стр. 128.

⁹ Там же, стр. 203—204.

¹⁰ Там же, стр. 98.

¹¹ Там же, стр. 42—43.

тельного движения. Философские воззрения его носили действенный, а не созерцательный характер. Герцен стремился научно доказать закономерность и необходимость коренного преобразования общества, отмены крепостничества и установления демократического строя.

В. И. Ленин высоко оценивал философские достижения Герцена. Он говорил, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму...»¹². Но вместе с тем Ленин указывал и на ограниченность его философии, на серьезные недостатки как диалектики, так и материализма Герцена.

Основной недостаток философской системы Герцена состоял в том, что, материалистически объясняя природу и высказывая иногда правдивые, материалистические взгляды на явления общественной жизни, Герцен не смог понять законов общественного развития и в целом рассматривал общество с идеалистических позиций.

По выражению Ленина, Герцен остановился перед историческим материализмом¹³. Это и явилось основным препятствием, помешавшим Герцену правильно понять революцию 1848 г. До революции 1848 г. Герцен был демократом, революционером, социалистом. Он проявлял оптимизм в отношении победы освободительного движения в России, безгранично верил в народ.

Но социализм Герцена не был научным, пролетарским социализмом. Его социализм был «русским», «крестьянским» социализмом. Ленин указывал, что в этом учении Герцена «нет ни грана социализма». Ленин называл такой социализм «прекраснодушной фразой».

После революции 1848 г. Герцен впал в глубокий скептицизм и пессимизм. Он не понял буржуазно-демократической сущности этой революции и потерял веру в народ, в возможность уничтожения крепостного права в России через крестьянскую революцию. Это вызвало у него колебания в сторону либерализма; он стал апеллировать к верхам, просил их пойти на уступки крестьянам, сверху отменить крепостное право и т. д.

«Духовный крах Герцена, — писал В. И. Ленин, — его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*»¹⁴.

И далее Ленин указывал: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции»¹⁵.

Герцен был не только революционером-демократом и философом, но и замечательным писателем и публицистом. Его перу принадлежат блестящие художественные произведения — «Былое и думы», «Сорокаворовка», «Доктор Крупов» и др. В своих публицистических статьях Герцен бичевал гнусные порядки крепостничества, боролся против рабства и низкопоклонства либералов перед самодержавием, призывал к борьбе за освобождение народа, вселял веру в революционные силы народа.

¹² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 14.

Герцен был горячим патриотом своей Родины, стонавшей под гнетом самодержавия и крепостничества, и вместе с тем интернационалистом, помогавшим освободительному движению других народов. Вот почему его имя дорого не только русскому народу, но и всем народам нашей страны, всему прогрессивному человечеству.

В статье «Памяти Герцена» Ленин писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции»¹⁶.

Советский народ бережно, с большой любовью относится к богатейшему творческому наследию А. И. Герцена и вечно будет чтить память славного сына России, первым поднявшего «великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*»¹⁷.

Е. И. Гостеева

УЛУҒ РУС МУТАФАККИРИ ВА РЕВОЛЮЦИОН-ДЕМОКРАТИ
(А. И. Герценнинг туғилганига 150 йил тўлиши муносабати билан)

Мақола улуғ рус революцион-демократи, материалист файласуфи, публицист ва адиби Александр Иванович Герценнинг туғилганига 150 йил тўлганлигига бағишланган.

¹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 15.

¹⁷ Там же.

М. ИБРАГИМОВ

ПОТОЧНЫЕ МЕТОДЫ ПРОИЗВОДСТВА В МАШИНОСТРОЕНИИ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Создание материально-технической базы коммунизма, задача превращения промышленности СССР в технически самую совершенную и мощную промышленность мира требуют дальнейшего развития тяжелой индустрии и ее основы—машиностроения.

Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, предусматривает «развитие машиностроения, всемерное форсирование производства автоматических линий и машин, средств автоматики, телемеханики и электроники, точных приборов»¹.

Количественный и качественный рост техники непосредственно воздействует на экономику предприятий, усиливает значение правильной организации труда и производства на заводах. От уровня организации производства и труда людей во многом зависит эффективное использование действующей и вновь осваиваемой техники, уровень производительности труда, себестоимость продукции и другие экономические показатели.

В зависимости от масштабов производства и комплекса применяемых машин определяются экономически наиболее целесообразные формы организации труда и производственных процессов на заводах.

Поток — это наилучшая форма организации труда и производства и вместе с тем наиболее благоприятная основа для применения передовой техники и прогрессивной технологии. В сочетании с автоматической техникой поток представляет собой высшую ступень развития промышленных предприятий — автоматическое производство. Программа партии требует «максимального внедрения поточного конвейерного производства»².

Поточное производство представляет собой комплекс отдельных операций последовательно расчлененного производственного процесса, закрепленных за определенными рабочими местами с полной загрузкой их. Для этого метода характерно цепное расположение рабочих мест, т. е. планировка их по ходу технологического процесса.

Практика внедрения поточных методов организации производства в машиностроительной промышленности показывает, что виды и формы поточных линий весьма разнообразны. Они отличаются друг от друга следующими основными признаками:

- а) по характеру движения изделий—непрерывно-поточное и прямо-поточное;
- б) по объекту поточного производства—постоянно-поточные, переменнo-поточные и предметно-поточные линии;

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Изд-во «Правда», 1961, стр. 70.

² Там же, стр. 74.

в) по методу обеспечения установленного такта—поток организуется на основе свободного или регламентированного такта;

г) по положению объекта на потоке—поток с передаваемым или неподвижным объектом (стационарный поток);

д) по охвату потоком участков завода—потоки могут быть междоцеховые, внутрицеховые и участковые.

Наконец, характер поточных линий зависит от транспортных средств, используемых для перемещения изделий в процессе их обработки, и других факторов.

Применение различных видов потока в значительной степени определяется типом производства (массовое, серийное или единичное) на данном участке, т. е. прежде всего числом прикрепленных деталей и изделий, технологически сходных между собой.

Экономические преимущества поточного метода по сравнению с другими формами организации производства состоят в том, что он обеспечивает равномерный ход производства, сокращение производственного цикла и размера незавершенного производства.

При этом методе организации производства обеспечивается высокая производительность за счет лучшего использования рабочего времени, возможности применения средств механизации и создания условий для взаимного контроля за ходом производственного процесса, а в результате сокращается (в 2—5 раз) число вспомогательных рабочих, повышается техническое оснащение, уровень планирования, учета и контроля, а также резко сокращаются потери от брака (в 3—6 раз). Кроме того, снижается себестоимость изделий за счет повышения объема продукции, сокращения накладных расходов в расчете на единицу продукции.

Все это свидетельствует о преимуществах поточного метода перед другими формами организации производства.

В машиностроительной промышленности Узбекистана развитие поточного производства осуществлялось в трех направлениях. Прежде всего, создавались предметно-замкнутые линии с расположением оборудования и рабочих мест по ходу технологического процесса, с передачей обрабатываемых деталей вручную или с использованием транспортных средств прерывного действия, т. е. преимущественно линий со свободным ритмом.

Другим направлением развития поточного производства является систематическое улучшение и совершенствование методов поточной работы с переходом от низших к более совершенным, массово-поточным линиям, с внедрением в них распределительных и рабочих конвейеров непрерывного и пульсирующего действия.

Третье направление, очень слабо еще распространенное в машиностроении Узбекистана, связано с развитием автоматизации, созданием автоматических и полуавтоматических поточных линий.

Особенно быстро поточное производство в машиностроении республики стало развиваться в последние годы, прежде всего в одной из ведущих отраслей машиностроительной промышленности Узбекистана — сельскохозяйственном машиностроении, на долю которого приходится 142 из 173 линий, внедренных на машиностроительных предприятиях УзССР.

На основе специализации заводов, цехов и участков, унификации конструкций и типизации технологических процессов число поточных линий в основных цехах машиностроительных заводов УзССР непрерывно увеличивается, что видно из табл. 1.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что наибольший удельный вес поточных линий приходится на механическую обработку, а в заготовительных цехах—литейных и кузнечно-прессовых—поточные методы получили очень слабое распространение. Это во многом объясняется тем, что в машиностроении республики имеется 69 литейных и 39 кузнечно-прессовых цехов, большинство которых являются мелкими, производящими широкую номенклатуру отливок, поковок и штамповок.

В литейных цехах машиностроительных предприятий Узбекистана готовно-конвейерные линии применяются главным образом в процессах заливки литья, удельный вес которых составлял 52% общего объема литья в 1960 г.

Таблица 1

Внедрение поточных линий по стадиям технологической обработки в машиностроении Узбекистана

Поточные линии	Количество внедренных линий				В % к итогу
	1959 г.	1960 г.	1961 г.	всего	
Поточно-конвейерные линии литейных цехов для заливки форм	3	2	1	6	3,4
Поточные линии в кузнечно-прессовых цехах	10	4	2	16	9,2
Поточные линии по механической обработке	40	41	39	120	69,5
Поточные линии для сборки, окраски и сушки машин	8	7	10	25	14,5
Автоматические линии для механической обработки	—	2	4	6	3,4
Итого	61	56	56	173	100,0

Поточные линии характеризуются применяемым оборудованием. Покажем это на примере двух крупных заводов сельскохозяйственного машиностроения республики—«Ташсельмаш» и «Узбексельмаш». Удельный вес металлорежущего оборудования, установленного на поточных линиях в механических цехах указанных предприятий, составляет 31% всего оборудования этих цехов. Если на «Ташсельмаше» в поточном производстве занято 44% всего металлорежущего оборудования механических цехов, то на «Узбексельмаше» — лишь 10%. Слабое применение поточного метода на заводе «Узбексельмаш» объясняется более низким уровнем специализации производства.

Поточный метод способствует улучшению организации труда на основных и вспомогательных участках производства и значительному сокращению общих затрат труда, особенно на вспомогательных работах.

Соотношение численности основных и вспомогательных рабочих, занятых на поточных линиях в механосборочных цехах заводов сельскохозяйственного машиностроения республики, характеризуется данными табл. 2.

Как видно из табл. 2, соотношение вспомогательных и основных рабочих, занятых в механической обработке на поточных линиях завода «Ташсельмаш», составляет 12% вместо 59% в целом по всем участкам механической обработки. На конвейерной сборке занято лишь

15,5% вспомогательных рабочих против 56% по всем участкам сборки. А на «Узбексельмаше» на поточной линии по механической обработке занято 20% и на поточной сборке — 17% всех основных рабочих цеха.

Следовательно, на заводе «Узбексельмаш» поточный метод производства внедряется гораздо слабее, чем на «Ташсельмаше», где непрерывно совершенствуются методы организации производства.

Таблица 2

Число и удельный вес основных и вспомогательных рабочих, занятых на поточных линиях механосборочных цехов заводов сельхозмашиностроения

Показатели	„Ташсельмаш“			„Узбексельмаш“		
	основных	вспомогательных		основных	вспомогательных	
		абс.	в % к основным			абс.
По механической обработке .						
Всего рабочих	629	369	59	358	43	12
в том числе на поточной линии	370	44	12	72	—	—
Удельный вес рабочих, занятых на поточной линии, по отношению к общему их числу, %	59	12	—	20	—	—
По сборке узлов машин						
Всего рабочих	160	90	56	212	28	13,2
в том числе на поточной линии	144	22	15,3	36	6	16,6
Удельный вес рабочих, занятых на поточном конвейере, по отношению к общему их числу, %	90	24,4	—	17	21,4	—

Из приведенных данных видно, что на механизированных поточных линиях требуется гораздо меньше вспомогательных рабочих благодаря комплексной механизации вспомогательных работ, особенно погрузочно-разгрузочных и транспортных операций, контроля и т. д. А в результате резко изменяется соотношение основных и вспомогательных рабочих. Так, на заводе «Ташсельмаш» в основных механических цехах это соотношение составило 1,7 : 1, тогда как на механизированных поточных линиях — 8,4 : 1, а в сборке узлов и машин — соответственно 1,8 : 1 и 6,6 : 1.

В целом же по машиностроению республики на каждого производственного рабочего основных цехов приходится один вспомогательный рабочий.

Интересно отметить такой факт. В 1958 г. в г. Спрингфелде (США) состоялось совещание по вопросам организации машиностроительного производства, где было предложено считать нормальным следующее соотношение основных и вспомогательных рабочих: 7 : 1 при 800 рабочих, 8 : 1 — при 1200 и 10 : 1 при 2000 рабочих³.

Отсюда видно, что по соотношению вспомогательных и основных рабочих при механизированных поточных методах организации производства завод «Ташсельмаш» уже достиг указанных расчетных величин.

³ „Production“, 1958, N5, p. 41.

В настоящее время завод «Ташсельмаш» специализирован на производстве хлопкоуборочной машины марки «ХВС-1,2». За короткое время здесь организован специализированный механосборочный цех по производству одного из сложных узлов хлопкоуборочной машины — шпindelных барабанов. В прошлом этот цех выпускал десятки наименований деталей и, кроме того, одна и та же деталь обрабатывалась на нескольких пролетах; на межоперационную транспортировку деталей тратилось много времени и средств.

Ныне цех организован по принципу поточности, и на поточных линиях обрабатываются лишь массовые детали нескольких видов. Цех оснащен 6 подвижными транспортными конвейерами общей протяженностью около 700 м. Кроме того, имеются транспортно-технологические подвесные конвейеры протяженностью свыше 200 м и подвесной конвейер протяженностью около 100 м для сборки рабочих аппаратов. Уборка стружки осуществляется 5-штанговыми транспортерами.

Благодаря внедрению в этом цехе подвесных конвейеров сэкономлено около 16 тыс. руб., а применение штанговых транспортеров для уборки стружки позволило сократить 8 вспомогательных рабочих и сэкономить 5 тыс. руб. в год. В результате внедрения поточных методов производства автоматическое, специальное и агрегатное оборудование составляет более половины всего станочного парка цеха.

Специализация цеха позволила значительно снизить трудоемкость деталей и увеличить производительность труда за счет внедрения многоместных приспособлений на фрезерных станках и перевода отдельных операций с универсальных станков на шестишпindelные автоматы. За счет снижения трудоемкости деталей годовая экономия, в расчете на фактический выпуск хлопкоуборочных машин в 1961 г., составила по этому цеху 98,5 тыс. руб. Кроме того, примерно в 3 раза увеличился выпуск комплекта шпindelных барабанов.

На «Ташсельмаше» создан также специализированный цех по изготовлению шестерен и валиков. Для этого предварительно была проделана большая работа по унификации и нормализации различных шестерен и валов, ибо до специализации они производились в разных цехах завода. В результате специализации цеха и создания поточных линий значительно снизились затраты труда, и годовая экономия только по зарплате, в расчете на фактический выпуск хлопкоуборочных машин в 1961 г., составила 44,8 тыс. руб.

Большая работа проведена в сборочном цехе завода, где, согласно маршрутно-технологической карте, на новом конвейере производятся постанционная полная сборка, заправка горючим и проверка правильности сборки отдельных узлов в рабочем состоянии машин, а также окраска, сушка и доводка хлопкоуборочных машин, т. е. создана механизированная поточная линия сборки. Сборочный конвейер рассчитан на производство 40 машин в сутки, из расчета 10 000 машин в год.

В связи с совершенствованием организации сборки значительно снизились затраты труда и издержки на сборочные работы по хлопкоуборочной машине «ХВС-1,2», и в 1961 г. годовая экономия здесь составила 54,8 тыс. руб.

В результате совершенствования организации производства и внедрения новой техники на заводе резко сократилась трудоемкость и увеличился выпуск хлопкоуборочных машин, что видно из диаграммы на рис. 1. Все это убедительно говорит о высокой экономической эффективности поточных линий.

Дальнейшее совершенствование поточного производства осуществляется путем создания поточных автоматизированных линий. Первая

автоматическая линия в Узбекистане была установлена в 1956 г. на заводе «Ташсельмаш» для производства одной из важнейших деталей — «кассеты» хлопкоуборочной машины марки «СХС-1,2м». В 1960 г. были сданы в эксплуатацию 2 автоматические линии — одна на инструментальном заводе, а другая на «Ташсельмаше». В 1961 г. намечалось внедрить еще 4 автоматические линии по изготовлению деталей на заводах «Ташсельмаш», инструментальном и «Узбексельмаш», а также:

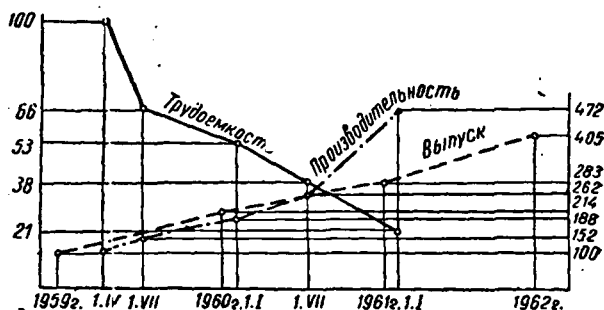

Рис. 1. Динамика снижения трудоемкости, роста производительности труда и увеличения выпуска хлопкоуборочных машин «СХС-1,2» на заводе «Ташсельмаш», в % к 1959 г.

автоматическую линию по консервации и упаковке деталей на заводе «Ташавтомаш». На четырех машиностроительных заводах решено установить 6 автоматов для контроля и счета деталей.

Внедрение поточного производства оказало положительное влияние на все технико-экономические показатели машиностроительных заводов и цехов республики, что видно из табл. 3.

Таблица 3.

Экономическая эффективность внедрения поточного производства в машиностроительной промышленности Узбекистана

Мероприятия	Условно-годовая экономия, тыс. руб.				Всвобождено рабочих, человек			
	1959 г.	1960 г.	1961 г.	всего	1959 г.	1960 г.	1961 г.	всего
Внедрение поточных линий	107,0	2,0*	24	133,0	26	18	22	66
Внедрение транспортных средств	93,0	139,2	184	416,2	89	76	109	274
Внедрение автоматических линий	—	27,4	30	57,4	—	—	17	17
Итого	200,0	168,6	238	606,6	115	94	148	357

* По неполным отчетным данным.

В расширении поточного производства и более полном использовании существующих поточных линий на машиностроительных заводах республики большое значение имеет комплексная механизация основ-

ных и вспомогательных процессов, для чего необходимо осуществить следующие мероприятия:

а) детальный анализ объектов производства в целях удовлетворения требований, связанных с механизацией и автоматизацией основных, транспортных и контрольных операций;

б) применение наиболее прогрессивных технологических процессов, а где это целесообразно, — процессов, допускающих совмещение обработки с транспортированием в агрегатах непрерывного действия;

в) включение в поточные линии различных по характеру технологических операций и процессов для повышения степени комплексности автоматизации;

г) использование для пополнения и создания поточных линий имеющегося на заводах оборудования, с проведением его модернизации, а также серийно выпускаемого универсального оборудования;

д) создание специализированного оборудования, средств механизации и автоматизации по загрузке, транспортировке и контролю, которые можно переналаживать для изготовления разных деталей одной конструктивно-технологической группы (в случае замены или изменения конструкции объекта производства);

е) широкое развитие агрегатной системы компоновки технологического оборудования, оснастки и средств механизации и автоматизации вспомогательных операций;

ж) организацию в крупных масштабах централизованного производства нормализованных силовых головок различного назначения и других узлов для создания на их основе автоматизированных поточных линий.

Кроме того, для дальнейшего развития и совершенствования поточных методов организации производства необходимо усилить концентрацию производства однотипной продукции, проводить унификацию и нормализацию изделий, типизацию технологических процессов, позволяющих использовать наиболее прогрессивные технологические процессы и обеспечивающих высокий уровень механизации производства.

Расширение сферы применения поточных методов требует перестройки действующего поточного производства на новые виды продукции «на ходу», без прекращения процесса производства, по опыту автозавода им. Лихачева и других предприятий.

В целях дальнейшего развития поточного производства на машиностроительных предприятиях необходимо предусматривать включение в единый сквозной поток всех стадий технологического процесса, с механизацией всех работ, как основных, так и вспомогательных.

Проектирование поточных линий ныне осуществляется самими предприятиями и лишь часть линий проектируется Государственным конструкторским бюро технологии машиностроения совнархоза республики. При этом, несмотря на значительные затраты на проектирование, часть проектов не соответствует современным требованиям техники, технологии, организации и экономики производства.

Для снижения затрат на проектирование и изготовление поточных линий головные проектно-технологические институты Союза должны усилить разработку типовых поточных линий для деталей массового применения в машиностроении, а ГКТБ совнархоза УзССР должно обеспечивать проектирование поточных линий для деталей, необходимых машиностроению республики.

Важное значение имеет и дальнейшее совершенствование существующих поточных линий. Поэтому в плане внедрения новой техники

предприятий следует предусматривать не только проектирование новых, но и совершенствование существующих линий.

Таковы некоторые вопросы внедрения поточных методов производства и их экономической эффективности в машиностроении Узбекистана. Разумеется, они далеко не исчерпывают всего комплекса задач, связанных с дальнейшим повышением уровня поточного производства, комплексной механизацией и автоматизацией производства на машиностроительных предприятиях республики. Успешное решение этих актуальных задач требует проведения более глубоких исследований данной проблемы на основе коллективных усилий большого круга специалистов.

М. Иброҳимов

**МАШИНАСОЗЛИҚДА ИШЛАБ ЧИҚАРИШНИНГ ПОТОҚ МЕТОДЛАРИ
ВА УЛАРНИНГ ИҚТИСОДИЙ ЭФФЕКТИ**

Мақола Узбекистон қишлоқ хўжалиги машинасозлиги корхоналарида ишлаб чиқаришни ташкил қилишда потоқ методларни жорий этиш масалаларига бағишланган. Автор ишлаб чиқаришни ташкил қилишда ушбу прогрессив методларнинг бошқа методларга қараганда иқтисод жиҳатидан жуда катта афзалликлари бор эканини таъкидлайди.

З. К. АХМЕДЖАНОВА

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА БУХАРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1914—1916 ГОДЫ)

Накануне и в период первой мировой войны в Средней Азии продолжалось строительство железных дорог, начавшееся, как известно, еще в 80-годах XIX в. с создания Закаспийской железной дороги, которая по меткому определению В. И. Ленина, стала «открывать» Среднюю Азию для российского капитала¹.

Строительство железных дорог сыграло важную роль в социально-экономической жизни Средней Азии. Особенно следует подчеркнуть тот факт, что создание железных дорог способствовало усилению процесса формирования местного промышленного пролетариата. Рабочие-железнодорожники принимали самое активное участие в революциях 1905 и 1917 г. и установлении Советской власти в крае.

Здесь нам хотелось бы осветить основные моменты строительства Бухарской железной дороги, проложенной от Новой Бухары (Каган) на Карши, Керки, Келиф, Термез с веткой Карши — Гузар — Китаб, общей протяженностью около 585 верст. Вкратце история строительства этой дороги сводится к следующему.

В 1911 г. инженер А. Н. Ковалевский (крупный предприниматель, строитель Ферганской железной дороги) обратился к царскому правительству с просьбой разрешить ему проведение изыскательских работ, на спроектированной им трассе Бухарской железной дороги от Новой Бухары до Термеза с веткой от Карши до Китаба.

Проект Ковалевского был сочувственно встречен как русским, так и бухарским правительством, а также русскими и местными капиталистами, стремившимися к освоению новых рынков и расширению торговых связей между Россией, Бухарой и Афганистаном. Кроме того, эта дорога, прокладываемая вдоль русско-афганской границы, имела большое политическое и стратегическое значение, способствуя укреплению позиций царизма в Средней Азии и на Среднем Востоке.

Предвидя большое экономическое значение новой дороги, Ковалевский проектировал в будущем проведение от нее подъездных путей к промышленным предприятиям, в частности к хлопкозаводам районов северной части ханства, Вабкента, Гиждувана, Зиндана и др.

26 августа 1911 г. А. Н. Ковалевский получил разрешение на ведение изыскательских работ по сооружению Бухарской железной дороги.

1 мая 1912 г. он представил в Министерство путей сообщения проект этой дороги². А через год, 13 июня 1913 г., было получено

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 74.

² ЦГИАЛ СССР, ф. 274, оп. 2, д. 1397, л. 28—30.

правительственное разрешение на ее постройку и утвержден устав акционерного общества. Учредителями общества, правление которого находилось в Петербурге, были крупные промышленники (Путилов и др.); акционером его был и бухарский эмир.

В конце 1913 г. в Бухару выехал один из директоров акционерного общества — И. М. Слуцкий, который должен был начать подготовительные работы по строительству дороги³. В апреле 1914 г. в Бухаре было организовано Управление дороги и начались строительные работы⁴.

Прежде всего строительство дороги надо было обеспечить рабочей силой. Вначале (апрель — июнь 1914 г.) Управление дороги пыталось обойтись силами только местных рабочих, как более выносливых и привычных к местным климатическим условиям. К тому же Управление надеялось набрать рабочих по очень дешевой цене, учитывая острое безземелье, глубокую нищету, забитость и несправие бухарского народа. Все это сулило учредителям общества баснословные прибыли. Что же касается необходимой для стройки квалифицированной рабочей силы, то и ее предполагалось вербовать на среднеазиатских железных дорогах, а не выписывать из России.

По предварительным расчетам, для производства земляных работ требовалось около 3000 рабочих. По этому поводу И. М. Слуцкий вел в октябре 1913—апреле 1914 г. длительные переговоры с бухарским правительством, и в результате эмир обещал предоставить в распоряжение дороги необходимую рабочую силу. В этих целях он намеревался даже запретить обычный уход рабочих на заработки за пределы ханства⁵.

По устному соглашению, эмир обязался направить на строительство дороги с 10 апреля по 15 июня, т. е. к началу укладки дороги, 3000 рабочих-землекопов⁶.

Устно же были согласованы условия оплаты труда рабочих. По-денная плата каждого из них была определена в 75 коп. (или 22 руб. 50 коп. в месяц). Праздничные и прогульные (по вине рабочего) дни оплате не подлежали. В начале каждой недели рабочий получал 3 руб. 15 коп. на питание, а по истечении месяца — остальные 7 руб. 60 коп.

За проезд к месту строительства рабочему выплачивалось 2 руб. 25 коп., которые удерживались затем из его заработка за первый месяц.

На каждые 1000 местных рабочих бухарское правительство назначало старшего чиновника с месячным окладом в 200 руб., а при нем переводчика с окладом в 75 руб. Кроме них, предусматривались многочисленные мелкие чиновники, содержавшиеся за счет рабочих. Для наблюдения за рабочими к каждой группе (по 200 человек) приставлялись полицейские аксакалы, получавшие по 50 руб. в месяц⁷.

Таким образом, Управление дороги совместно с бухарским эмиром выработали по существу кабальные условия для рабочих. Такой низкой заработной платы (75 коп. в день) не существовало тогда ни на одном железнодорожном строительстве. Сюда следует добавить назначение многочисленных бухарских чиновников без жалования, двусмысленность некоторых формулировок (например, «нерабочий день

³ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, л. 252, л. 13.

⁴ Там же, л. 249а, т. 1, л. 21—24.

⁵ Там же, л. 57—61.

⁶ Там же, л. 21—24.

⁷ Там же, л. 73.

по вине рабочих»), отсутствие выходных дней, систему выплаты заработной платы в виде задатков и т. д. Все это снижало и без того мизерный заработок рабочего и превращало его по существу в бесправного раба.

10 апреля 1914 г. из Карши была доставлена первая партия местных рабочих — 400 человек, сроком на один месяц⁸. 8 мая их сменили рабочие из других местностей ханства⁹.

К этому времени количество бухарских рабочих возросло до 1000 человек, а из горных районов Бухары ожидалось прибытие еще 800 человек¹⁰. Их должны были доставить из Каратегинского бекства в Каган кружным путем, через Фергану. Каратегинцев пригнали в Фергану за 200—300 верст пешком и разместили в чайханах на базарной площади. Здесь они оказались брошенными на произвол судьбы, без копейки денег, и вскоре начали голодать¹¹. А сопровождавшие их бухарские чиновники уехали в Маргелан.

7 мая 1914 г. в Фергану прибыл агент для особых поручений при главном инженере И. Э. Таннер и с ним артельщик с деньгами¹², а также представитель бухарского правительства Мирза Баши Мирза Наркул. При опросе рабочих выяснилось, что их вербовали насильно, не считаясь ни с семейным положением, ни с состоянием здоровья, а в результате 25% из них оказались нетрудоспособными, двое рабочих умерли по дороге, не вынеся трудностей пути.

Уехавшие в Маргелан бухарские чиновники были вызваны в Фергану, где они заявили, что денег для кормления рабочих у них не было и нет.

Каратегинцы отказались идти на строительство дороги, заявив, что они все равно ничего не получают, что чиновники наверняка отберут у них заработанные деньги. Несмотря на старания Таннера, все рабочие разбежались — одни из них вернулись домой, а другие двинулись в различные районы Ферганы в поисках работы. Подобная «организация» набора рабочей силы была типичной для того времени.

Итак, к концу мая 1914 г. на дороге работало лишь около 1000 бухарских рабочих (вместо предполагаемых 2500). Это число не могло удовлетворить запросы строительства. К тому же бухарское правительство доставляло рабочих только на один месяц, что создавало большую текучесть состава рабочих и снижало производительность их труда.

Таким образом, попытка Управления дороги выполнять земляные работы только силами бухарских рабочих оказалась безуспешной. Только позднее, когда Управление отказалось от посредничества бухарских чиновников при оплате местных рабочих, приток их резко увеличился.

Не оправдались и надежды Управления дороги на получение дешевой рабочей силы. В связи с началом весенних полевых работ и повышением цен на рабочую силу бухарское правительство потребовало уплатить бухарцам, работавшим на строительстве дороги в апреле — июне 1914 г., не по 75 коп., как было обусловлено ранее, а по общей рыночной цене того времени — 1—1,5 руб. в день¹³.

Разумеется, бухарское правительство подняло этот вопрос не в

⁸ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 249а, л. 21—24.

⁹ Там же, л. 75.

¹⁰ Там же, т. 1, л. 69—70.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 57—61.

целях защиты прав рабочих, а в интересах тех многочисленных прихлебателей, которые кормились и обогащались за их счет.

В результате длительной переписки и долгих споров с эмиром Управление дорог вынуждено было заплатить каршинским рабочим по 1 руб. 20 коп. в день, а бухарским — по 1 руб.¹⁴

В конце мая — начале июня 1914 г., когда стало ясно, что провести все земляные работы силами только бухарских рабочих не удастся, Управлению дороги пришлось принять срочные меры к набору рабочих со всех концов страны и из сопредельных государств. Так начался второй этап в наборе рабочей силы на строительство Бухарской дороги, продолжавшийся с июня до октября 1914 г.

Особенно большие надежды возлагались на вербовку рабочих в Иране. В конце мая 1914 г. в Мешхед выехали И. М. Слуцкий и агент дороги Алексеев для вербовки персидских рабочих¹⁵. В Мешхеде было решено еженедельно нанимать по 400 человек¹⁶.

Персидских рабочих следовало набирать сроком на 6 месяцев и направлять на ст. Каахка, а оттуда поездом до Кагана. Правление дороги обязалось уплатить за паспорта, консульские сборы, выдать рабочим кормовые за время переезда от Мешхеда до Каахки, оплатить стоимость билетов от ст. Каахка до Бухары и стоимость билетов на обратный путь, если рабочий проработает не менее 6 месяцев.

Управление должно было также обеспечить рабочих водой, дровами, палатками, кошмами, котлами, ведрами, чайниками и т. д. Оплата труда была установлена в размере 1 руб. 20 коп. за 1 куб. сажень земляных работ.

По подсчетам Слуцкого, каждый рабочий должен был обойтись в день по 72,5 коп., если учитывать все расходы дороги на их вербовку в Персии.

Каждый персидский рабочий обязывался проработать не менее 6 месяцев, а при досрочном уходе с работы он должен был вернуть все произведенные на него расходы и лишался бесплатного билета на обратную дорогу¹⁷. Таким путем Управление дороги надеялось закабалить попавших на строительство персидских рабочих.

В июне 1914 г. директор Управления Слуцкий вернулся в Бухару, оставив в Мешхеде агента дороги Алексеева¹⁸.

После заключения договора о наборе представители дороги Франко и Агаджамов разослали своих комиссионеров в Турбете-и-Туршиз, Каин, Нишабур, Себзевар и другие иранские города для вербовки рабочих. Однако дело шло очень туго. 19 июня 1914 г. главный инженер Кикодзе телеграфировал в Петербург, что «отправка рабочих Персии идет пока медленно, по сообщению агента, задержка местными условиями. выправки паспортов»¹⁹.

В действительности же неудача с набором персидских рабочих объяснялась более серьезными причинами.

Английская миссия в Иране вела активную агитацию против отправки персидских рабочих на строительство Бухарской железной дороги и другие работы в Средней Азии. Местные землевладельцы тоже агитировали за отказ рабочих от найма, боясь лишиться рабочих рук во время уборки урожая. Они применяли даже насильственные меры, чтобы воспрепятствовать выезду рабочих из деревень.

¹⁴ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 249а, т. 1, л. 75.

¹⁵ Там же, л. 57—61.

¹⁶ Там же, л. 62—63.

¹⁷ Там же, д. 252, л. 177.

¹⁸ Там же, л. 184—185.

¹⁹ Там же, д. 249а, т. 1, л. 37.

К тому же персидские рабочие получали от своих собратьев, уже занятых на стройке, сообщения о крайне неблагоприятных условиях труда, о плохом питании, небезопасности жильем, грубости администрации, задержках с выплатой заработной платы, а также о высокой заболеваемости и большой смертности среди рабочих.

Кроме того, в 1914 г. в Иране выдался обильный урожай, и рабочим не было смысла искать работу на стороне. И, наконец, в связи с началом первой мировой войны они просто боялись выезжать на заработки в Россию²⁰.

Комиссионерам Франко и Агаджамову удалось набрать и послать из Мешхеда всего 294 человека (вместо 2000). В Бухару прибыло 226 человек, а через два месяца из них осталось 115—остальные либо ушли с работы, либо заболели, а некоторые не вынесли тяжелых условий труда и умерли²¹.

Таким образом, попытка заменить бухарских рабочих персидскими не увенчалась успехом.

Управление дороги всячески старалось получить рабочих из Туркмении, Закавказья, Сибири и центральных районов России.

В июне 1914 г. оно просило даже начальника тюремного управления края направить на строительство магистрали партию арестантов²². И, наконец, Управление дороги обратилось к другим дорогам — Уральско-Илецкой, Саратовской, где осенью на некоторое время обычно прекращались работы,— с просьбой о временной переброске их рабочих в Бухару²³.

С половины июня 1914 г. за счет прибытия текинских и других рабочих число строителей несколько увеличилось и достигло 1300 человек²⁴.

Однако начало первой мировой войны вызвало новые трудности в наборе рабочей силы.

В связи с прекращением товарно-пассажирского движения на железных дорогах временно прекратился приток рабочих из внутренних губерний. Объявление войны вызвало тревогу среди местных и персидских рабочих, и они решили выждать в своих селениях хода дальнейших событий.

В телеграмме главного инженера дороги Кикодзе правлению акционерного общества по строительству Бухарской дороги сообщалось, что агенты Управления дороги ищут рабочих в Персии, Асхабаде, Мерве, Ташкенте, в Поволжье, Тамбовской, Рязанской, Уфимской губерниях, на Алтае, в киргизских степях и других районах²⁵.

Только к началу сентября 1914 г. число рабочих на строительстве несколько увеличилось, превысив 2,5 тыс. человек²⁶. Выросло и число рабочих местных национальностей, работавших на дороге землекопами, чернорабочими, каменщиками, столярами, стекольщиками, штукатурами, печниками, плотниками, слесарями, кузнецами, молотобойцами и т. д.

К концу октября 1914 г., с восстановлением сквозного товарно-пассажирского движения в России, число рабочих на дороге увеличилось, и они приступили к укладке пути. Так начался третий этап

²⁰ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 69, л. 15—19; д. 249а, т. I, л. 57—61.

²¹ Там же, д. 69, л. 17—19.

²² Там же, д. 249а, т. I, л. 40, 57—61.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 47а.

²⁵ Там же, л. 84—85.

²⁶ Там же, л. 101.

строительства, когда дорога была в достаточной степени обеспечена рабочей силой. К 20 октября 1914 г. на стройке работало 4400 рабочих, из них около 3000 — из местных национальностей²⁷.

В конце октября — начале ноября 1914 г., в связи с октябрьскими и ноябрьскими стачками рабочих (о чем будет сказано ниже), строительства ушло около 1500 человек²⁸. Это сильно отразилось на ходе работ, но теперь Управлению дороги было легче выйти из положения в связи с установлением сквозного движения, резким увеличением численности местных рабочих и привлечением к строительству дороги военнопленных, размещенных в тыловом Туркестанском крае.

К середине декабря 1914 г. на строительстве дороги работало уже 6800 человек²⁹.

Текущая рабочая сила была по-прежнему велика. Так, в начале марта 1915 г. наблюдался отлив привезенных из России русских рабочих ввиду приближения весеннего сева, а также в связи с тяжелыми условиями труда³⁰. Но администрация дороги восполняла эту убыль за счет привлечения рабочих местных национальностей, а также военнопленных, количество которых в военных лагерях Средней Азии возросло до 50 тыс. человек. Это были, главным образом, сербы, хорваты, словенцы, словаки, русины, поляки и чехи³¹.

В начале июня 1915 г. на строительстве дороги работало почти 7 тыс. рабочих, в том числе 1600 военнопленных³², а в начале апреля 1916 г. здесь работало уже (партиями от 5 до 450 человек) 4188 военнопленных³³.

Во второй половине 1915 г. — первой половине 1916 г. число рабочих на стройке колебалось от 6 до 8 тыс. человек.

Министерство путей сообщения и правление общества Бухарской железной дороги требовали, чтобы Управление дороги обеспечило завершение строительства к середине июня 1916 г., т. е. на год раньше назначенного срока³⁴. Причем Министерство путей сообщения разрешало даже сдать дорогу с большими недоделками. Эта спешка была вызвана внутренним и международным положением страны. Империалистическая война продолжалась. Царские войска терпели одно поражение за другим. В стране усиливалась разруха всего народного хозяйства. Недовольство народным масс принимало все более острые формы. Неспокойно было и на далекой окраине России — в Туркестане.

В этих условиях правление общества стремилось как можно быстрее завершить строительство дороги, используя все средства вплоть до получения отсрочки от призыва в армию для служащих Бухарской дороги. В результате всех этих мер строительство дороги было завершено к 16 июля 1916 г., т. е. на год раньше срока, хотя дорога была сдана в эксплуатацию с большими недоделками.

Следует подчеркнуть, что строители дороги работали в исключительно трудных условиях. Продолжительность рабочего дня достигала 10—12 часов. Очень часто рабочие оставались без продуктов, а если продукты и поступали, то качество их было очень низким, а цены непомерно высокими.

²⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 249а, т. 1, л. 117.

²⁸ Там же, л. 161—162.

²⁹ Там же, л. 200—201.

³⁰ Там же, т. II, л. 132—133.

³¹ Там же, д. 107, л. 40.

³² Там же, д. 249, т. II, л. 181.

³³ Там же, д. 269, л. 458—460.

³⁴ Там же, д. 248, т. III, л. 53—55.

В архиве сохранились многочисленные жалобы рабочих на плохое снабжение их продовольствием. Фельдшер Зборовский, осмотрев лавку Бекназарова 3 апреля 1915 г., писал, что бочка с капустой оказалась покрытой изнутри толстым слоем плесени; в капусте была масса червей; селедка оказалась негодной к употреблению; томат и грибы были покрыты плесенью. Как отмечалось в докладной записке, продовольствие было очень сильно загрязнено³⁵.

Рабочие жили в палатках и полужемлянках. На некоторых участках вообще не было никакого жилья, и с ранним наступлением холодов рабочие оказались там под открытым небом.

Особенно тяжелы были условия труда и жизни местных, персидских рабочих и военнопленных.

Доктор Греков, осмотревший дорогу в 1916 г., писал: «Громадное большинство военнопленных рабочих при моем отъезде выглядело оборванными. . . обувь многих развалилась. Неодинаково и неравномерно организовано продовольствие военнопленных: кое-где производится всего одна варка пищи, причем в ужин рабочие ничего не получают, кроме чая или кофе»³⁶.

Тяжелый труд, отсутствие жилья, скученность рабочих, плохое питание и т. п. вызвали эпидемии сыпного тифа, цынги, малярии, желудочных заболеваний и высокую смертность среди рабочих³⁷.

На строительстве дороги для всех категорий рабочих была установлена более низкая заработная плата, чем на других дорогах. Даже на Сибирской дороге (в 1891—1904 гг.) заработная плата была выше, чем на Бухарской, причем цены на продукты питания в то время были гораздо ниже, чем в 1914—1916 гг.³⁸

Рабочие разных национальностей получали различную плату за одну и ту же работу. Во многих случаях договоры с рабочими не заключались, а если и заключались, то в очень неопределенной формулировке, открывавшей широкий простор для обмана рабочих.

Жестокая эксплуатация, тяжелые условия труда и произвол администрации дороги вызвали резкий протест рабочих.

В первый период, когда на стройке были заняты только местные рабочие, распространенной формой протеста был уход с работы. Так, в мае 1914 г. 400 бухарских рабочих, проработав 10 дней на участке Каракульбазар, отказались продолжать работу и ушли³⁹. 6—7 августа 1914 г. не вышли на работу 400 рабочих, которым было предложено перейти на сдельную оплату труда. Таких примеров можно привести немало.

Второй период движения рабочих — строителей Бухарской дороги начинается с того момента, когда в строительстве стали принимать участие русские рабочие, возглавившие борьбу за улучшение экономического положения строителей.

Первые серьезные выступления рабочих дороги относятся к концу октября 1914 г. В октябре Управление дороги завербовало в различных районах России 2500 рабочих, и к концу октября они стали прибывать партиями по 300—400 человек. Прибытие совпало с наступлением холодного, дождливого периода, но Управление дороги не

³⁵ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 113, л. 127.

³⁶ Там же, д. 269, л. 476—478.

³⁷ Там же, д. 261, л. 78—83, 87, 137; д. 249, т. II, л. 225; д. 269, л. 162, 311, 395, 458—460; д. 149, л. 235.

³⁸ См. В. Ф. Борзунов, Рабочие Сибирской железнодорожной магистрали в 1891—1904 гг., журн. «История СССР», 1959, № 4, стр. 37.

³⁹ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 249а, т. I, л. 19—20.

позаботилось о создании минимальных человеческих условий для рабочих.

Добравшись пешком из Новой Бухары к месту строительства, рабочие увидели, что для них не подготовлены даже временки или землянки, и, выразив возмущение, стали возвращаться в Новую Бухару. Не вынеся тяжелых условий, холода и голода, уходили со стройки и ранее прибывшие рабочие.

Недовольство строителей вылилось в стачку, начавшуюся 21 октября. Рабочие, особенно приехавшие из Пензенской губернии, требовали постройки теплых барачков, бани и больницы⁴⁰, увеличения заработной платы и оказания им бесплатной медицинской помощи.

Администрация предложила рабочим временно поместиться в теплушках, но рабочие отказались от этого. Они самовольно разместились в здании Управления дороги и заявили, что приступят к работе лишь тогда, когда будут построены теплые бараки. В противном случае они требовали возвращения их на родину.

Эти события испугали не только Управление дороги, но и туркестанского генерал-губернатора, который послал 26 октября 1914 г. в Петербург телеграмму следующего содержания: «На строящейся Бухарской дороге происходят массовые недоразумения между рабочими и администрацией на почве малой платы, неудовлетворительности помещений и отсутствия медицинской помощи. Рабочие настаивают на отправлении их на родину, в Пензенскую губернию, отказываясь от работ и заявляя о неимении средств для пропитания. Наш политический агент доносит о невозможности успокоить рабочих и опасается массовых беспорядков. Направив на дорогу судебные власти, прошу предоставить мне в случае надобности отправить рабочих на родину бесплатным поездом»⁴¹.

28 октября 1914 г. было решено отправить рабочих домой за счет Управления дороги⁴². Первая партия — 481 человек — была отправлена на родину в октябре 1914 г.

Этот успех воодушевил рабочих, и в дальнейших выступлениях они следовали примеру пензенских товарищей, настойчиво требуя отправления их на родину⁴³.

В начале ноября 1914 г. в Чарджуй прибыло 419 вновь завербованных рабочих. Узнав о местных условиях труда, почти половина из них не пожелала ехать дальше, по Аму-Дарье, на южные участки дороги. 140 человек остались в Кагане и потребовали, чтобы их вернули домой. 3 ноября к бастующим присоединилось еще 150 человек, бросивших работу в Карши⁴⁴.

Чтобы удержать рабочих, Управление дороги шло на различные уступки и давало им всевозможные обещания. Оно предоставило рабочим для жилья теплушки, согласилось уплатить за прогульные дни, обещало отправить их домой за счет дороги, если они отработают определенное количество дней (гораздо меньшее, чем записано в договоре), и, наконец, обещало предоставить работу на ближайшем участке⁴⁵.

Но рабочие настаивали на своих требованиях. Вскоре число бастующих достигло 800 человек⁴⁶.

⁴⁰ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 249, т. II, л. 6.

⁴¹ Там же, д. 249а, т. I, л. 143.

⁴² Там же, д. 249, т. II, л. 6.

⁴³ Там же, л. 14.

⁴⁴ Там же, л. 18—21.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

Российское политическое агентство в Бухаре, боясь дальнейшего развития забастовочного движения, настойчиво требовало, чтобы Управление дороги отправило всех 800 рабочих домой за счет дороги⁴⁷. После долгих споров администрация дороги вынуждена была, наконец, отправить на родину 727 рабочих⁴⁸.

Всего за время стачек с 24 октября по 14 ноября 1914 г. со строительства дороги ушло 1500 рабочих, из них свыше 1100 человек были отправлены за счет Управления дороги⁴⁹.

В конце января 1915 г. рабочие-бакинцы, работавшие на Пули-зинданском тоннеле, прекратили работу, потребовав увеличения заработной платы. Управление дороги уволило их и вынуждено было заново набирать рабочих⁵⁰.

В середине июня 1915 г. из-за ухода рабочих приостановились работы на участке подрядчика Георгиевского⁵¹. В июле 1915 г. каменщики из артелей Шутова, Старкова, Большакова, бросив работу, явились к политическому агенту в Бухаре и потребовали отправить их домой за счет дороги. Им удалось настоять на своем требовании⁵².

В середине июля 1915 г. каменщики артели Казакова в Керках три дня не работали из-за отсутствия воды. Контора участка не хотела оплатить эти дни. Тогда рабочие прибыли в Бухару и стали требовать от Управления выдачи им паспортов. Администрация пыталась их успокоить, но рабочие настояли на своем⁵³.

В мае 1916 г. из 250 каменщиков и плотников, привезенных агентом дороги Крыгиным, только 27 человек после ряда дополнительных уступок согласились работать, а 223 рабочих вернулись на родину⁵⁴. 21 июня 1916 г. оставшиеся каменщики также не вышли на работу и потребовали расчета. Управление обещало им увеличить заработную плату, изменить время начала и конца работы, установить денежную награду, но несмотря на все увещевания, 22 каменщика ушли с работы⁵⁵.

21 мая 1916 г. работавшие в Наутшинхаре (близ Термеза) каменщики бросили работу и ушли несмотря на уговоры администрации⁵⁶.

В июне 1916 г. 126 плотников предъявили Управлению Бухарской железной дороги следующие требования:

«1. Принять дни с 23 апреля по 1 мая 1916 г. за рабочие и уплатить за них, за исключением задатка, 15 рублей.

2. Установить умеренные цены на продукты питания: 1 фунт черного хлеба — 5 коп., 1 фунт белого хлеба — 8 коп., 1 фунт мяса — 16 коп.

3. Кипяток должен быть всегда.

4. Квартиры должны быть хорошие, обеспечены деревянными койками.

5. Если кто из рабочих не сможет перенести климат и захочет уехать, то Управление не должно их задерживать.

6. При болезни рабочих Управление должно уплатить 50% заработной платы.

⁴⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 249, т. II, л. 16—22.

⁴⁸ Там же, л. 22.

⁴⁹ Там же, д. 249а, т. I, 161—162.

⁵⁰ Там же, д. 249, т. II, л. 81.

⁵¹ Там же, л. 192—194.

⁵² Там же, д. 263, л. 5, 14.

⁵³ Там же, л. 12—14.

⁵⁴ Там же, д. 248, т. III, 53—55.

⁵⁵ Там же, д. 261, л. 238.

⁵⁶ Там же, л. 241.

7. Продолжительность рабочего дня должна быть 9 часов.
8. Заработную плату выплачивать 2 раза в месяц — 1 и 15 числа.
9. Повара должны быть за счет дороги».

Эти требования, подписанные от имени всех рабочих плотником Максимом Кацановым⁵⁷, были более серьезными и лучше продуманными, чем в предшествующий период.

Забастовочное движение на Бухарской железной дороге принимало все более массовый и организованный характер. И не удивительно, что когда летом 1916 г. началось национально-освободительное восстание народов Средней Азии, администрация края, боясь, что движение охватит и дорожных рабочих, установила на дороге военную охрану⁵⁸. На Бухарской железной дороге была размещена рота войск под начальством Вольнцеви́ча. Штабквартира ее находилась в Новой Бухаре⁵⁹.

Много беспокойства доставляли администрации и военнопленные, занятые на строительстве дороги, среди которых также усиливались волнения и наблюдались массовые отказы от работы.

Таким образом, строительство Бухарской железной дороги способствовало формированию местного пролетариата и развитию рабочего движения в Бухарском ханстве, явившегося составной частью общего революционного движения туркестанского пролетариата в предреволюционные годы.

З. К. Аҳмаджонова

БУХОРО ТЕМИР ЙЎЛИНИНГ ҚУРИЛИШ ТАРИХИДАН (1914—1916 ЙИЛЛАР)

Мақолада Бухоро темир йўлининг (Когон-Термез) қурилиш тарихи қисқача баён этилади. Бунда темир йўл қурувчи ишчиларнинг ниҳоятда оғир аҳволи ва уларнинг ўз ҳуқуқлари учун олиб борган қурашлари (оммавий равишда ишдан кетиб қолиш, иш ташлаш ва бошқалар) алоҳида таъкидлаб кўрсатилади. Автор темир йўл қурилиши Бухоро хонлигида ишчилар синфининг вужудга келишига ва ишчилар ҳаракатининг ривожланишига сабаб бўлганлигини очиб беради.

⁵⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 301, оп. 1, д. 263, л. 335—336.

⁵⁸ Там же, д. 269, л. 495—496.

⁵⁹ Там же, д. 261, л. 242.

М. А. БАБАХОДЖАЕВ

ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ АНГЛО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

История англо-афганских отношений в XIX— начале XX в., равно как и отношений Англии с другими странами Востока того времени, привлекает внимание многих представителей современной англо-американской буржуазной историографии, стремящихся под маской «исторических исследований» обелить колониальную политику империалистических держав в прошлом и настоящем.

Претендуя на «объективность» и «беспристрастность» изложения истории взаимоотношений между Англией и Афганистаном в XIX— начале XX в., буржуазные авторы Запада нередко искажают многие факты, тенденциозно освещая большинство исторических событий.

В этом отношении характерна, в частности, книга английского дипломата и историка Фрэзера-Тайтлера «Афганистан»¹, в которой большое место уделяется истории англо-афганских отношений в XIX— начале XIX в.

Фрэзер-Тайтлер считает, что впервые непосредственный контакт между англо-индийским правительством и Афганистаном был установлен в 1798 г., когда афганский шах Заман обратился к генерал-губернатору Индии Уэльзли с предложением заключить союз для борьбы против «общего врага» — маратхов. Уэльзли, занятый в то время подчинением индийских княжеств, отклонил предложение афганского шаха, поскольку появление «на арене диких афганских орд, — как пишет Фрэзер-Тайтлер, — спускающихся со своих горных крепостей и несущих повсюду опустошения, усложнило бы многие задачи генерал-губернатора»².

Это и побудило Уэльзли, по мнению Фрэзера-Тайтлера, обратиться к иранскому правительству с просьбой, «избегая каких-либо враждебных актов в отношении Афганистана», держать Заман-шаха в состоянии беспокойства за безопасность своих владений со стороны Ирана³.

Подобное объяснение причины отказа англичан от сотрудничества с афганским шахом является неправильным.

Походы Заман-шаха на Индию вызывали беспокойство англичан не потому, что «дикие афганские орды опустошали Индию», как утверждает автор, а потому, что появление афганцев вызывало в Индии антианглийские выступления. Тревога англичан усиливалась и тем, что афганский шах состоял в союзе с правителем независимого

¹ W. K. Fraser-Tytler, *Afghanistan (A Study of Political Developments in Central Asia)*, London, New-York, Toronto, 1950, 432 p.

² Там же, стр. 77—78.

³ Там же, стр. 78.

индийского княжества Майсор Типу-султаном, который в это время взял курс на сближение с Наполеоном⁴. Последний стремился для реализации своих планов завоевания Индии заручиться поддержкой ряда азиатских стран, в том числе Ирана. «Наполеон,— писал К. Маркс,— вел интриги на Востоке; калькуттские «торгаши» трепетали перед такой комбинацией: Франция, Персия, Афганистан»⁵.

Сомнительно также утверждение Фрэзера-Тайтлера о том, что англо-индийское правительство рекомендовало Ирану принять меры против Заман-шаха, не прибегая к военным действиям.

Известно, что англичане, стремясь помешать походам Заман-шаха на Индию, всячески поддерживали его врагов из афганцев и усиленно разжигали вражду между Афганистаном и Ираном. Так, еще в 1799—1800 гг. в Иран был отправлен агент Ост-Индской компании капитан Джон Малькольм, в задачу которого входило «заставить Персию занять Заман-шаха внутренними делами таким образом, чтобы он, в продолжении по крайней мере трех лет, не мог помышлять о возмущении спокойствия в Индостане»⁶. «Малькольм был уполномочен обещать ему (иранскому шаху. — М. Б.) от трех до четырех лаков рупий (около млн. фр.) ежегодного пособия с поручательством на три года. Ему было также поручено воспользоваться, сколько можно, враждою сыновей Тимура (отца Заман-шаха.— М. Б.), из которых двое удалились к Персидскому двору»⁷. Со своей стороны, англичане обязывались «не иметь никакого притязания . . . на участие в добыче, которую бы приобрела Персия в случае войны с Заман-шахом»⁸.

Франко-иранский договор 1807 г. и новые замыслы Наполеона организовать поход на Индию через Иран и Афганистан вызвали большую тревогу англичан. Для противодействия наполеоновским планам, отмечает Фрэзер-Тайтлер, в Афганистан в 1808 г. было направлено посольство Ост-Индской компании, возглавляемое М. Эльфинстоном. При этом автор обходит полным молчанием тот факт, что под жупелом «обороны» Индии англичане стремились прикрыть собственные захватнические планы в отношении Афганистана и сопредельных с ним стран.

После отмены английским парламентом в 1813 г. монополии Ост-Индской компании на торговлю с Индией английская буржуазия получила широкий доступ на индийский рынок. Английские промышленные товары стали быстро наводнять Индию, проникая оттуда в Афганистан и другие страны Среднего Востока. Экономическая экспансия неизбежно влекла за собой и политическую. Афганистан, занимавший ключевое положение на скрещении торговых и стратегических путей между Средней Азией, Ираном и Индией, уже в первой половине XIX в. становится объектом англо-русского соперничества.

Для сбора экономических и политических сведений англичане засылали в Афганистан, Иран и Среднюю Азию своих агентов и разведчиков. «. . . Англичане,— пишет современный афганский историк С. К. Риштия,— никогда не упускали из вида этот район и между

⁴ Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, пер. с англ. Л. В. Степанова, И. П. Ястребовой и Л. А. Княжинской, ред. и предисл. К. А. Антоновой, М., ИЛ, 1954, стр. 337.

⁵ К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, М., Госполитиздат, 1947, стр. 105.

⁶ Газ. «Северная пчела», 1840, январь.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

1810 и 1838 годами... направили в Афганистан для разведки целый ряд лиц под видом торговцев или путешественников, направляющихся за Аму-Дарью»⁹.

Поэтому нельзя согласиться с Фрзером-Тайтлером, что англичане после посещения Афганистана М. Эльфинстоном на протяжении последующих 20 лет не проявляли интереса к делам Центральной Азии, поскольку, как он пишет, не было «нации завоевателей», которые двигались бы к Индии со стороны Аму-Дарьи и Гиндукушского хребта¹⁰. Подчинив себе к началу XIX в. большую часть Индии, англичане всячески поощряли своего союзника — сикхского правителя Пенджаба, махараджу, Ранджит Сингха на завоевание афганских земель. Этим они рассчитывали отвлечь сикхов от вмешательства во внутренние дела Синда и уже подвластных англичанам индийских областей, а также, обострив афгано-сикхские противоречия, подчинить себе сикхов и афганцев.

В 1823 г. в Лахоре было получено письмо англо-индийского правительства, открыто подстрекавшее Ранджит Сингха на захват Пешаварской области, населенной преимущественно афганцами и управляемой афганскими ханами¹¹. В 1837 г. в результате вмешательства Ост-Индской компании в афгано-сикхские дела произошло кровавое столкновение между сикхами и афганцами при Джамруде, в результате которого обе стороны потеряли по несколько тысяч человек убитыми и ранеными¹².

Разжигая афгано-сикхские противоречия, англичане использовали также афганского экс-шаха Шуджу, который с 1816 г. находился у них на пенсии. В 1834 г., обеспечив свою марионетку поддержкой сикхов и снабдив его деньгами и войском, они организовали поход Шуджи на Афганистан¹³.

Однако руководимое английскими офицерами войско Шуджи летом 1834 г. было наголову разгромлено под Кандагаром правителем Кабульского княжества эмиром Дост Мухаммадом и его братьями — правителями Кандагарского княжества.

Фрзер-Тайтлер, останавливаясь на событиях этого периода, стремится показать непричастность к ним англичан. Так, он утверждает, что попытка Шуджи в 1834 г. вернуть потерянный трон была предпринята без поддержки англо-индийского правительства¹⁴.

Эмир Дост Мухаммад после неудачной попытки в 1834 г. силой отнять у сикхов Пешаварскую область попытался разрешить пешаварскую проблему при содействии Ост-Индской компании. Урегулирование афгано-сикхских противоречий не входило в расчеты англичан. Однако они были не прочь воспользоваться удобным случаем, чтобы дипломатическим путем подчинить своему влиянию баракзайских правителей Кабульского и Кандагарского княжеств. Поэтому в 1836 г. англо-индийское правительство снарядило в Афганистан миссию Александра Бернса, проезд которой в Кабул совпал с походом иранского шаха на Герат.

⁹ Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, пер. с перс. Л. Н. Дорофеевой, М. К. Куркина, Мухаммед Рахим Хана, ред. и предисл. Ю. В. Ганковского, М., ИЛ, 1958, стр. 135.

¹⁰ W. K. Fraser-Tytler, *op. cit.*, стр. 79.

¹¹ Cunningham, *History of the Sikhs*, London, 1903, стр. 199.

¹² B. B. Sethi, *The Lahore Darbar (In the light of correspondence of Sir C. M. Wade, 1823—1840)*, Delhi, 1950, стр. 190—191.

¹³ P. Sykes, *A History of Afghanistan*, vol. I, London, 1940, стр. 395.

¹⁴ W. K. Fraser-Tytler, *op. cit.*, стр. 106.

Фрэзер-Тайтлер с явным сожалением признает, что миссия Бернса, несмотря на давление, оказанное англичанами на правителей Кабульского и Кандагарского княжеств, потерпела неудачу. Однако это не мешает ему, вопреки излагаемым им бесспорным фактам, выступить в защиту англо-индийского правительства, которое в 1838 г. развязало захватническую войну против Афганистана. Если «мы, — пишет Фрэзер-Тайтлер, — исследуем следующие один за другим этапы плана генерал-губернатора так, как они развивались между маем и августом 1838 г., мы обнаружим, что его окончательное решение использовать британские войска, чтобы убрать одного афганского правителя и заменить его другим, было логичным и фактически неизбежным решением»¹⁵.

Следует отметить, что автор совершенно не объективен при освещении позиций английской и царской дипломатии в гератском вопросе в 1837—1838 гг. Причину поддержки русским посланником в Иране Симоничем попытки иранского шаха захватить Герат он объясняет лишь желанием России утвердить свое влияние в Герате, игнорируя то обстоятельство, что этот шаг царской дипломатии явился контрмерой против стремления англичан обосноваться в Герате — важном военно-стратегическом пункте на подступах к Средней Азии и Ирану.

Касаясь событий первой англо-афганской войны (1838—1842 гг.), Фрэзер-Тайтлер ничего не говорит о кабальном договоре, который был навязан Шудже англичанами 7 мая 1839 г. в Кандагаре. По условиям договора, Шуджа обязывался согласовывать свою внешнюю и внутреннюю политику с приставленным к его двору английским резидентом, а также соглашался на постоянное пребывание в Афганистане английских войск и содержание их за счет афганской казны¹⁶.

Кандагарский договор 1839 г. раскрывает истинную причину английской агрессии против Афганистана и показывает лживость утверждений генерал-губернатора Индии Окленда (в опубликованном им 1 октября 1838 г. манифесте) о том, что англичане начали войну против Афганистана для восстановления на кабульском престоле «законного монарха» и устранения от власти баракзайских правителей Кабульского и Кандагарского княжеств, которые своими связями с Россией и Ираном якобы создали «угрозу» безопасности Британской Индии.

Потерпев неудачу в 1838—1842 гг., англичане, однако, не отказались от своих колонизаторских планов на Среднем Востоке. В 1843 г. Ост-Индская компания захватила Синд, а спустя пять лет аннексировала Пенджаб.

Эмир Дост Мухаммад, рассматривая аннексию Синда и Пенджаба, граничивших с афганской территорией, как подготовку новой английской агрессии против Афганистана, стал искать союзников против англичан. В 1850 г. он обратился к царскому правительству с предложением заключить союз. Однако царизм, не желая обострять своих отношений с Англией, отклонил предложение эмира.

В создавшейся обстановке Дост Мухаммаду пришлось окончательно отказаться от дальнейших попыток воссоединения под своей властью афганских земель правобережья Инда и возобновить начатые еще в 1838 г. завоевания мелких таджикских и узбекских

¹⁵ W. K. Fraser—Tytler, op. cit., стр. 109.

¹⁶ سلطان محمد خان حالي، تاريخ سلطاني، ۱۲۹۸، می ۲۰۲—۲۰۳

ханств к северу от Гиндукуша. Политика завоевания новых территорий на севере требовала от Дост Мухаммада обеспечения безопасности Кабульского княжества на индо-афганской границе. Это побудило эмира пойти на официальное соглашение с Ост-Индской компанией. Последняя, желая всячески воспрепятствовать захвату Гератского княжества кадjarскими шахами Ирана и распространению русского влияния на Среднем Востоке, в свою очередь, искала случая, чтобы дипломатическим путем подчинить своему влиянию Афганистан и поощрять захватнические устремления афганских феодалов в сторону левобережья Аму-Дарьи. В 1855 г. в Пешаваре между Дост Мухаммадом и Ост-Индской компанией был заключен договор о дружбе. На базе этого договора в 1857 г. был оформлен военный союз против Ирана, захватившего в 1856 г. Герат.

Фрэзер-Тайтлер, стремясь приписать России агрессивность в отношении Афганистана, без всяких оснований утверждает, что Дост Мухаммад подписал в 1855 г. договор с англичанами для того, чтобы оградить Афганистан от нападения России и Ирана¹⁷.

В 1857—1859 гг. в Индии вспыхнуло мощное народное восстание против английского колониального господства. Английские колонизаторы, вынужденные временно отказаться от активной экспансионистской политики на Среднем Востоке, придерживались во время междоусобицы в Афганистане (1863—1869 гг.) политики «закрытой границы» и «дружбы с фактическим афганским правителем».

Сущность этой политики заключалась в стремлении Англии, под предлогом «обороны» своих индийских владений, путем поддержки попеременно того или иного претендента на афганский престол, ослабить Афганистан в ходе длительной междоусобицы и помешать установлению сильной власти в стране. Поэтому вице-король Индии Майо во время переговоров с эмиром Шер Али, происходивших в Амбале в 1869 г., отказался заключить с ним договор, гарантирующий английскую поддержку в случае возникновения внутренней и внешней опасности для его власти, а также признал законным наследником афганского престола его младшего сына Абдуллу.

Фрэзер-Тайтлер, явно уклоняясь от объяснения причин провала англо-афганских переговоров в Амбале, в то же время проявляет чрезмерное усердие, чтобы подчеркнуть «дружественную позицию», которую якобы занял Майо в отношении афганской стороны, выразив готовность поддержать Шер Али деньгами и оружием. Однако он умалчивает о том, что английские колонизаторы, предоставляя подобную «помощь» Афганистану, рассчитывали поощрять дальнейшие завоевательные устремления афганской правящей верхушки в сторону левобережья Аму-Дарьи с тем, чтобы добиться расширения афганской территории на севере, а затем поглотить Афганистан со всеми вновь приобретенными землями. Одновременно Англия, вынашивая агрессивные планы в отношении среднеазиатских ханств, старалась помешать продвижению царизма в глубь Средней Азии и, в частности, обратилась к царскому правительству с предложением о разграничении сфер влияния в этом районе.

Царская Россия в то время была занята освоением Средней Азии и не планировала аннексии афганской территории. Поэтому царское правительство в ходе англо-русских переговоров (1869—1873 гг.) предложило, чтобы Россия и Англия совместно гарантировали независимость Афганистана (точнее — районов, на которые действительно

¹⁷ W. K. Fraser-Tytler, *op. cit.*, стр. 123.

распространялась власть эмира Шер Али) и считали эту территорию нейтральной зоной.

Англичане, стремившиеся к захвату Афганистана и Средней Азии, отклонили это предложение, настаивая на расширении границы нейтральной зоны «на север»¹⁸. Царская дипломатия в конце концов уступила англичанам. По англо-русскому соглашению Россия признала находящимися год властью эмира Шер Али полунезависимые ханства Бадахшан, Маймане и другие земли левобережья Аму-Дарьи, а также согласилась считать Афганистан «вне сферы своего влияния».

Достигнув желаемого успеха в переговорах с царизмом, английские колонизаторы перешли от учтивых заверений в «дружбе» к дипломатическому нажиму на Афганистан. В 1873 г. вице-король Индии Нортбрук потребовал от Шер Али принятия в Кабуле специального английского представителя под предлогом необходимости сообщить эмиру об итогах закончившихся англо-русских переговоров и результатах работы так называемой английской арбитражной комиссии Гольдсмита, занимавшейся в 1872 г. «разрешением» спора между Ираном и Афганистаном о распределении водных ресурсов г. Гильменд в районе Систана¹⁹.

Эмир Шер Али отклонил требование Нортбрука, но выразил готовность послать своего представителя в Индию для обсуждения вопросов, интересующих оба правительства. Следовательно, утверждение Фрэзера-Тайтлера о том, что эмир Шер Али, якобы учитывая надвигающуюся угрозу конфликта с Россией, первым обратился к английским «друзьям и покровителям на юге за советом и поддержкой», что и послужило будто бы причиной встречи между афганским представителем и вице-королем Индии в Симле в 1873 г., представляет собой грубое искажение исторических фактов.

Английские колонизаторы, завершив к середине 70-х годов реорганизацию англо-индийской армии и своего административного аппарата в Индии, вскоре переходят от политики «закрытой границы» к активным наступательным действиям. Эта политика, обусловленная начавшимся переходом Англии в стадию империалистического развития, стала частью внешнеполитической программы консервативного английского правительства Дизраэли, пришедшего в 1874 г. на смену либеральному кабинету Гладстона.

По указанию нового лондонского кабинета вице-король Индии Литтон, сменивший на этом посту (1876 г.) Нортбрука, стал все решительнее добиваться подчинения Афганистана английскому диктату. Ссылаясь на мифическую «русскую угрозу» Индии, он неоднократно настаивал перед Шер Али на принятии в Кабуле специального английского представителя для обсуждения вопроса о создании на афганской территории постоянных английских агентств. Свои требования Литтон сопровождал открытыми угрозами по адресу афганского правительства, не совместимыми с суверенитетом Афганистана.

Фрэзер-Тайтлер, обычно выдающий агрессивные действия англичан по отношению Афганистана за «разумную» необходимость обороны Индии» от России, с нескрываемым восторгом подчеркивает, что Литтон был наделен широкими правами, чтобы претворить в жизнь захватнические планы английских правящих кругов. «Чтобы

¹⁸ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией (1872—1885), СПб., Изд-во Министерства иностранных дел, 1885, стр. 4.

¹⁹ Causes of the Afghan war, being a selection of papers laid before parliament with a connecting narrative and comment, London, 1879, стр. 48.

выполнить такую задачу,— пишет он,— вице-король имел возможность или заключить приемлемый союз с эмиром или же, потерпев неудачу в этом, разгромить афганское королевство и на место Шер Али посадить правителя, более отвечающего нашим интересам и более зависимого от нашей поддержки»²⁰.

Литтон с большим усердием выполнил инструкцию лондонского правительства. Используя в качестве предлога пребывание в Афганистане небольшой русской миссии Столетова и отказ Шер Али принять в Кабуле английскую миссию Невилля Чемберлена, которую сопровождал военный эскорт в 1000 человек²¹, он развязал захватническую войну против афганского народа. Хотя английские колонизаторы, заключив соглашение с претендентом на афганский престол Абдуррахманом, поставили внешнюю политику афганского правительства под свой контроль, тем не менее в результате решительного отпора афганского народа во время второй англо-афганской войны (1878—1880 гг.) Англия, как и 40 лет назад, не смогла превратить Афганистан в свою колонию.

Но надеясь постепенно превратить зависимый Афганистан в свою колонию, Англия продолжала поощрять афганскую экспансию в сторону Средней Азии. С 1883 г. английские колонизаторы установили афганскому эмиру ежегодную субсидию в 1 200 тыс. рупий и систематически поставляли ему вооружение. В 1884 г. они толкнули эмира Абдуррахмана на захват Пендинского оазиса, населенного туркменами-сарыками. Провокационный характер действий англичан в Пенде был настолько очевиден, что Фрэзер-Тайтлер не нашел ничего лучшего, как поставить под сомнение обоснованность притязаний афганского эмира на Пендинский оазис.

В 1893 г. в Кабул была направлена английская миссия Дюранда, которая 12 ноября того же года заключила с эмиром Абдуррахманом соглашение. По условиям этого соглашения, афганский эмир отказался от притязаний на суверенитет над афганскими племенами «независимой полосы» и признал отход большей части территории этих племен к Британской Индии (по так называемой «линии Дюранда»). В результате англо-афганских переговоров было подписано также соглашение по Памирскому вопросу. Фрэзер-Тайтлер, подробно освещая этот период англо-афганских отношений, умалчивает, однако, о том, что во время переговоров Дюранда с эмиром Абдуррахманом на Афганистан было оказано военно-дипломатическое давление.

После смерти эмира Абдуррахмана (1901 г.) на афганский престол вступил его сын Хабибулла. В первые годы своего правления новый эмир стал проводить независимую от англичан политику, что побудило англо-индийское правительство в 1904 г. направить в Кабул миссию Дэна, который должен был добиться от эмира Хабибуллы согласия на постройку железной дороги в Афганистане, на допуск в афганскую армию в качестве инструкторов британских офицеров и т. д.²² Однако эмир Хабибулла, учитывая антианглийские настроения в стране, отказался обсуждать эти предложения, но вместе с тем согласился подписать договор (21 марта 1905 г.), по которому обязался добросовестно выполнять все прежние обязательства по отношению Англии, взятые на себя эмиром Абдуррахманом.

²⁰ W. K. Fraser-Tytler, op. cit., стр. 142—143.

²¹ P. Sykes, A History of Afghanistan, стр. 108.

²² Протоколы комиссии по изучению Афганистана и Индии за 1905 год, СПб., 1906, стр. 49.

Если судить по книге Фрэзера-Тайтлера, то получается, что миссия Дэна была послана в Афганистан только для «урегулирования английских отношений с эмиром»²³. Вместе с тем он утверждает, что афганское правительство посредством переговоров с Дэном предполагало заключить англо-афганский союз против России. «Эмир и его советники,— пишет Фрэзер-Тайтлер,— были под большим впечатлением побед Японии над русскими войсками на Дальнем Востоке. Они хотели, чтобы Англия присоединилась к ним незамедлительно в нападении на Россию, а также приняла участие в тщательно разработанном плане военного сотрудничества, которое предусматривало бы постройку железной дороги в Южном Афганистане и британское сотрудничество в обороне Кандагара и других пунктов»²⁴.

Однако, «когда афганцы,— как далее отмечает Фрэзер-Тайтлер,— обнаружили, что Дэн не готов вести переговоры в том направлении, как они предлагали, их отношение сменилось подозрением и негодованием. Они отказались от всех намеков военного сотрудничества и свели свои предложения к простому восстановлению обязательств, взятых Абдуррахманом. . .»²⁵.

Эти рассуждения Фрэзера-Тайтлера являются домыслами, не имеющими ничего общего с исторической действительностью и рассчитанными на людей, не сведущих в истории Афганистана, его отношений с Англией и Россией и английской политики на Среднем Востоке.

Так выглядит картина англо-афганских отношений в XIX— начале XX в. в кривом зеркале одного из апологетов британского колониализма.

Надо сказать, что книга Фрэзера-Тайтлера отнюдь не единственный образец фальсификации англо-афганских отношений в современной англо-американской буржуазной историографии.

Полны всевозможных измышлений и весьма тенденциозны статьи английских авторов Э. Оделля — «Афганистан и Северо-западная граница»²⁶, Г. Сквайера — «Афганистан и его соседи»²⁷, а также работы их американских коллег — Д. Вильбера — «Афганистан — независимый и окруженный»²⁸, составителей справочника «Афганистан»²⁹ и др.

Очевидно, не от хорошей жизни приходится апологетам империализма прибегать к прямой фальсификации истории. Это еще раз свидетельствует о крахе позорной системы колониализма. Мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устои империализма, и этот великий исторический процесс нельзя остановить никакими средствами, тем более грубой фальсификацией истории.

²³ W. K. Fraser-Tytler, op. cit., стр. 178.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Ernest Odell, *Afghanistan and the North West Frontier*, „The Contemporary Review“, London, 1948, vol. CLXXIII.

²⁷ G. Squire, *Afghanistan and her neighbours*, „United Empire“, London, 1951, vol. 42, N2, March — April.

²⁸ Donald Wilber, *Afghanistan, Independent and Encircled*, „Foreign Affairs“, New-York, 1953, vol. 31, N3.

²⁹ *Afghanistan*, ed. by Donald W. Wilber, New Haven, 1956.

М. А. Бобохўжаев

**ХІХ АСР ДАВОМИДА ВА ХХ АСР БОШИДА МАВЖУД БУЛГАН
ИНГЛИЗ-АФҒОН МУНОСАБАТЛАРИНИ БУЗИБ КЎРСАТИШ ЙЎЛИДАГИ
БИР УРИНИШ ҲАҚИДА**

Мақолада ҳозирги реакцион инглиз-америка тарихшунослик фанида ХІХ аср давомида ва ХХ аср бошида мавжуд бўлган инглиз-афғон муносабатлари ҳамда Англиянинг Ўрта Шарқда юритган сиёсати тарихини бузиб кўрсатиш йўлида қилинаётган хатти-ҳаракатлар фош этилади. Шу мақсадда автор инглиз дипломати ва тарихчиси Фрезер-Тайтлернинг ХІХ аср давоми — ХХ аср бошида мавжуд бўлган инглиз-афғон муносабатларини бузиб кўрсатувчи турли-туман бўлмағур сафсаталар билан тўлиб тошган «Афғонистон» номли китобини (1950 йил) таҳлил қилади.

В. АБДУЛЛАЕВ

ХІХ АСРДА БУХОРОДА НАВОИЙХОНЛИК ВА НАВОИЙ ИЗДОШЛАРИ

Биз анчадан бери Навоий издошларини Қўқон, Хоразм шоирлари орасидан излаб юрган эдик.

Бу борада хрестоматия, очерк, монографияларда дурустгина ишлар қилинди. Бухоро, Самарқанд, Каттақўрғон, Шаҳрисабз ва бошқа шаҳарларда ўтган Навоий издошлари ҳаётини ўрганиш унча ривожланмаган эди. Бунга, албатта, бир неча объектив сабаблар бор. Биринчидан, адабиётшуносларимиз ўз мавзулари атрофида ўралашиб қолган эдилар. Иккинчидан, баъзи изоҳ талаб қилувчи мулоҳазалар адабиётшуносларимизни ўз гирдобига тортиб қўйган эди.

Ислом анъаналарининг реакцион таъсирида, шариат қонун-қоидаларини зўр бериб аҳоли ўртасида ёйилиши фактларини ҳеч ким инкор қила олмайди. Шунинг билан бирга, бу ҳолатга асосланиб, ХІХ асрда Бухорода кўзга кўринarli ва ўрганишга арзийдиган дунёвий руҳдаги адабиёт бўлмаган экан-да, деган мулоҳазалар билан чегараланиб қолиш нотўғри бўлур эди.

Кейинги йилларда олиб борилган илмий текширишлар натижаси шуни кўрсатдики, ХVІІІ—ХІХ асрларда Бухорода Мулло Абдулло Мулҳами Бухорий, Музникб, Фитрати зардўзи Самарқандий (ХVІІІ), Шамсиддин Шоқин, Аҳмад Дониш, Садр Зиё (ХІХ) ва бошқа тожик ёзувчи, шоирлари бўлганидек, ўзбек адабиётида Сайқалий, Мужрим Обид, Хиромий, Мулло Қурбон Жоний, Шавқий, Толиб Толибий, Дилафкор, Ноқис кабиларнинг ҳам муҳим роллари бўлган.

Бу шоирлар шеърятда камол топиш йўлида ўзбек классикларини ҳамда тожик, озарбайжон, араб шоирларини ҳам ўрганишга қизиққанлар. ХІХ аср ўрталарида Бухоро ва Каттақўрғонда уч тилда (арабча, ўзбекча, форсча-тожикча) девоң ярата олган ва озарбайжон тилида дурустгина шеърлар ёзган Шавқий Каттақўрғонийнинг:

Бурноғи расолари замона,
Гўстардилар эларо нишона.
Бир неча китоб дебон Навоий,
Ўтказди ҳазинлара давое.
Андин сўнг ўтуб расо Фузулий,
Ашъори расоларин қабули.
Форсий эларо расоси чўхдур,
Бедил киби бир расоси йўхдур,—

деб ёзгани, ХІХ асрда Бухорода Алишер Навоий, Фузулий ва Бедилларни ўрганиш устида кўпроқ машғулот олиб борганлиги яққол кўришиб турибди.

Улуғ Навоий ҳаёти ва меросига қизиқиш одамларнинг завқи, ўз олдига қўйган мақсади ҳамда уларнинг савиясига кўра, бир ҳил эмас

эди. Биринчидан, улар Навоий асарларини ўқирдилар ёки бировларга ўқитиб эшитардилар. Шунинг учун ҳам Навоий ва унинг асарларига ҳаваслари зўр эди. Иккинчидан, шоир асарларини синчиклаб ўқишарди ва ўрганишарди. Шунинг билан бирга уларда маълум муайян маънавий фикр ҳосил бўларди. Ана шу фикрни қаттиқ туриб ҳимоя қилардилар. Учинчиси эса Навоий издошлари эди. Шунинг учун ҳам бундай қизиқишнинг ҳар учала ўзига хос хилма-хил хусусиятлари Бухорода мавжуд эди.

Навоий асарларини бир неча марта кўчирилиши, унга ҳавас ва иштиёқ зўрлигининг натижасидир. Шоир асарларини кўчира туриб, унга баҳо бериш, таърифлаш, мустақил мулоҳазалар билдириш уни ўрганишдан далолат беради. Навоий ғазалларига мазмундор назиралар, пишиқ мухаммаслар боғлаш эса издошликка интилиш мевасидир.

Биз Навоийнинг шоҳ асарларидан «Маҳбулбул қулуб»ни Ермуҳаммад Қара Бухорий (1817), Абдулбоқи валади мирзо Азим Бухорий (1838), Неъматулло бин Яъқуб Самарқандий (1844) томонларидан кўчирилганлигини; «Лисонут тайр»ни 1823 йили Ермуҳаммад Қара Шаҳрисабзий (Бухорий), 1851 йили Ниёз Боқи валади мулла Наврўз Бухорий; «Чаҳор девон»ни 1825 йили Мирабдулҳай Самарқандий, 1828 йили мулла Муҳаммад Юсуф Шаҳрисабзий томонларидан кўчирилганлигини яхши биламиз. «Хамса»ни бўлса, 1821 йилда Ермуҳаммад Қара Шаҳрисабзий (Бухорий), 1830—1837 йиллар орасида шоир Ҳижрий, 1850 йили мулла Муқимхоҷий Самарқандийлар кўчирганлар. «Таворихи мулуки Ажам» ҳам 1857 йили мулла Муҳаммад Юсуф Шаҳрисабзий томонидан кўчирилган.

Демак, бизга маълум бўлган Навоий асарларининг қарийб ҳаммаси XIX аср котиблари томонидан кўчирилган эди. Бу кўчиришлар ҳуснихат ва имло эътибори билан яхши ёки ўртача бўлишлигидан қатъий назар, улуғ Алишер меросига ҳавас зўрлигининг натижаси бўла олади. Бироқ, бу ҳавас вақт-вақти билан Алишерга муҳаббат, иштиёқмандликнинг олий формасига кўтарилар эди. Ихлосманд котиблар ўз қаламлари билан унинг меросига нисбатан муносабатларини ҳам ёзиб қолдирар эдилар. Чунончи, 1832 йили Бухорода кўчирилган Навоий «Хамса»сининг охирида котиб шоир ўз аҳволи руҳиясини баён этгандан сўнг, Алишер таърифига ўтиб, уни «ҳазрати қутби даҳр» деб, «Жамеъ сирру жаҳр» деб, «Хамса»нинг ҳар байтида «жаҳон ганжи бор» деб, «Ҳар ганж»да эса, «бир жаҳон ниҳон» деб қуйидагиларни келтирган:

Туну кун юрур эрдим ошифтаҳол,
Абас ишлар айлаб ғалат қилу қол.
Ушол ҳиндо тушти манго бир китоб,
На улдур китоб, мажман дурри ноб.
Экон «Хамса»и ҳазрати қутби даҳр,
Навоийки, ул жомеъи сирру жаҳр.
Анинг ҳар сўзидур муаммо мисол,
Анго етмагондин хирад нутқи лол.
Жаҳон ганжи ҳар байтидадур ниҳон,
Ки ҳар ганжидадур ниҳон бир жаҳон.

«Садди Искандарий» вазнида ёзилган бу мисраларнинг муаллифи, қўлида «Хамса» қўлёзмасини кўтариб Бухоро кўчаларининг биридан ўтаётган экан, адабиётга ихлосманд кишилардан бири китобга қизиқишди ва уни бу китобни кўчириб беришга кўндирибди, котиб — шоир-меҳнати муздини ҳам эсидан чиқармабди. Бу воқеа муносабати билан у шундай деб ёзади:

Чу бир ён борур ихтиёр айладим,
Анинг кўчасидин гузор айладим.

Баногоҳ мани кўрди ул нехкў,
 Борурсиз жадал айлабон қайси сў?
 Дебон жузвдонимни қўлга олиб,
 Навоий «Хамса»сиға кўз солиб,
 Деҳи: Манго лойиқ экан бу китоб,
 Беринг манго деб кўплар қилди хитоб,
 Анинг сўзини рад қило билмадим,
 Анинг ройини аксини қилмадим.
 Битиб неча муддат чекиб онча ранж,
 Анго айладим тухфайи беш ганж.
 Икки юзига боқиб эттим умед,
 Томар юзидин нури сурху сафед.
 Фақирларга кўп кўргузур, илигин,
 Гадоларга зоҳир этар эрлигин.
 Қилур ҳадясизларга зоҳир карам,
 Берур тухфаликка жазонини ҳам...

Хўш, бу навойшунос котиб—шоир ким бўлди экан? Бухорода XIX асрда котиблар (улардан баъзи бирлари шоир ҳам) озмунча эмас эдилар. Мана улар: Муҳаммад Ражаб Бухорий (1802), Абдул Ҳафиз Бухорий (1814), Сайидмурод Хожа ибн Тўрахожайи Бухорий (1816), Мирзомуҳаммад Носир бин Мирзомуҳаммад Мийрак Бухорий (1816), Ермуҳаммад Қара Шаҳрисабзий (1821), Эргаш Девонайи Кеший (1823), Муҳаммад Юсуф Шаҳрисабзий (1827), Муҳаммад Латиф бин Муҳаммад Шарифи Кеший (1830), Мирзо Муҳаммад Санои Бухорий (1832), Абдул Боқий валади Мирзо Азим Бухорий (1838), мулло Авазбадал бин Муҳаммад Шариф Жўйборий (1841), мулло Миржони Бухорий (1845), Соқимуҳаммад ибн мулло Ашурмуҳаммади Ҳисорий (1848), Муҳаммад маҳдум бин мулло Муҳаммад Фафури Бухорий (1841), мулло Муқимхони Самарқандий (1849), Абдул Наби Ҳисорий (1843), Боймуҳаммад Котиб (1850), Юнусхўжа Котиб бин Бобохўжа котиби Шаҳрисабзий (1850), Ниёзбоқи валади Мирзоазим Бухорий (1851), Мирсафиулло Бухорий (1851), мулло Муҳаммад Юнус Гиждувоний (1854), Муҳаммад Азим бин Муҳаммад Раҳим Бухорий—Ғозиёний (1854), Иноитулло Бухорий (1856), Муҳаммад Бухорий—Ҳижрий (1857), Мирзо Иноятулло валади Охунд мулло Собиржон мударрис Бухорий (1857), Муҳаммад Шарифхожа Бухорий—Шеван (1855), Гулмуҳаммад (1853), Абдулхолиқ бин Ражаб Муҳаммади Бухорий (1862), Саид бин мулло Саъдиддин — Вайсий (1863), Мирзо Абдумалик Шаҳрисабзий (1863), мулло Мирнизомиддин Бухорий (1870)¹, Мулло Ҳусан маҳдум Бетоле (XIX аср ўрталари).

Бадки булардан бирортаси юқорида Алишер Навоий ва унинг «Хамса»си ҳақида ўз мулоҳазаларини билдирган котиб—шоирлардандир. (Вайсий, Шеван, Бетоле, Ҳижрийлар ҳам шоир, ҳам котиб бўлганлар).

Эҳтимол Мирзомуҳаммад Санои Бухорий бўлиб чиқар? Худди ўша йили (1832) Мирзомуҳаммад Санои томонидан Мирзо Абдулқодир Бедилнинг «Муҳити азим» деган асари ҳам кўчирилган эди. Юқорида номлари кўрсатилган котиблар ҳам, шоирлар ҳам ўз маданий савияларини ўстириш, суҳандонликка, билимдонликка интилганларида, албатта, Алишер Навоий асарларига ҳам мурожаат этишлари турган гап эди.

Маълумки, Алишер Навоий сўз санъатига катта эътибор берар, қалам аҳлларини оз сўз ишлатиб, кўп маъно англатиш санъатини эгаллашга даъват этар эди. Бу ўгутни (таълимотни) ўз ижодиятлари учун муҳим аҳамиятга эга эканлигини уққан шоирлар алоҳида их-

¹ Рақамлар котибларнинг китоб кўчирган йилларини кўрсатади.

дос ва эътибор билан рафтар қилишга уринар эдилар. XIX аср Бухоро шоирлари муҳотида ўз ижодий фаолияти билан муҳим ўринни эгаллаган Шавқий Каттақўрғоний — «дур» (гавҳар) билан «сангхора» (чақиртошпора)нинг фарқига бориш учун фаҳм-фаросат, ақл-идрок, илм-хунар қанчалик талаб қилинса, сўзнинг кадр-қимматига етиш учун ҳам, унинг гавҳармонандлигини пайқаш, нақш-нигорини, ҳусни-ни зоҳир этишга ақл кўзи билан қараш, фаҳм-фаросат кўзи билан назора қилиш лозимлигини уқтириб, мана бундай деб ёзган эди:

Ҳар кимки эрур улума моҳир,
Бўлғай анго сўзнинг ҳусни зоҳир.
Инсоф ила сўзга қил назора,
Фарқ айла дур ила сангхора.

Бунинг учун эса, шоирнинг таъбирича:

Химмат камарини белга боғлаб,
Услуби улум илан яроғлаб,—

деб иш тутган ижодкоргина, сўз санъати бобида муҳим хизматларни адо эта олишлиги, кўзга кўринарли асарлар ярата олишлиги мумкин.

«Услуби улум илан яроғлаб» («қуролланиб»), деб асарлар ёзишни Шавқий Каттақўрғоний Алишер Навоий ижоди хазинасидан ўрганганлиги учун унинг:

Фалакда дуди оҳим, қонли ёшим кўз қароғида,
Кетиб сабру қарорим, ул дабир ширин сўроғида,
Юрурман телбараб Фарҳод янглиғ баҳру тоғида,
Хаёлида будур зикрим, кўнгул ҳушёр чоғида.
Не хуш бўлғай иковлон маст бўлсак васл боғида,
Кўлум бўлса анинг бўйнида-ю, оғзим қулоғида...

деб ёзганлари — Навоийча назирачиликнинг қанчалик кўп бўлганлигидан далолат берар эди.

XIX асрда Бухородаги ўзбек адабиётида кўзга кўринган шоирлар Навоийга тақлид қилиш ёки унинг ниҳоятда бой ижодий меросидан баҳра топиб, унга издош бўлишда хилма-хил йўл тутган эдилар. Чунончи, улар бир томондан аксарий ҳолатда Алишер Навоий газалларни изидан ғазаллар ёзар, радифгўйлик қилар эдилар. Бундай ғазалларни фақат Шавқий Каттақўрғонийдагина эмас, Мужрим Обид, Муялло Қурбон Жоний, Видоий кабиларнинг ҳам меросидан топиш мумкин. Шунинг билан бирга, иккинчи томондан, мазкур шоирлар Навоий ғазалларига мухаммаслар (тахмислар) ёзиш билан ҳам ўз қаламларини раволикка ўргатар эдилар.

Ҳаёти XVIII аср охири ва XIX аср бошларига тўғри келиб, «мискинлиги» туфайли «замондин сарзаниш» кўрган, «бенаволиклар» тортган шоир мулло Қурбон Жоний:

Маломатлар етишда санга, эй жон, мен ёмондин кўп,
Нечақим менга етти сарзаниш аҳли замондин кўп.
Агар булбул чаман саҳнида юз йил навҳа тортаркан,
Эмастур бир нафас мен бенаво чеккан фиғондин кўп,—

деб фиғону нолалар тортган экан, у Алишер Навоийнинг:

Сунбулин Лайли очибдур ел абир осо эмас,
Доғини Мажнун қонатмиш лолаи хумро эмас,—

деб бошланган ғазалига ҳам:

Боғи жаннат гулшани ҳуснингга рухафзо эмас,
Нахля тўбий қоматингдек сарви гардунсо эмас.
Не деб олам ичра хаттинг рашкидин савдо эмас,—

деб мухаммаслар боғлашда, устодга муносиб шогирд бўлиш йўлида анчагина уриниб кўрган. Унинг:

Жон шарҳу ғаминг рисола айлаб,
Кўнгул талабингда нола айлаб
Мен ташнага васл нўшидин тут,
Ўз даъли лабинг пиёла айлаб.
Соқие тут бода зоҳид қилу қолини унут,
Нашъани тобидин онинг фосид хаёлини унут.

Еки:

Мени ҳақирдин ул дилрабо ғамин сўрманг,
Кишики, бесару по бўлса, ҳамдамин сўрманг.

Яна:

Э, қадингнинг сояси бошимда давлат тожидур,
Суратинг мисли кўзум равшан қилдур меърожидур,—

деб ёзиш ҳам, Навоийга назира ва тахмисларининг натижасидир. Унинг:

Қўб ҳусни айлагилу ваъдани оз эт,
Жон бирлан кўнгул маслаҳатин дурру дароз эт.

Ехуд:

Билмайин ўтти йигитлик чоғи бежолликда ҳайф,
Билдиму қолдим қарилар доғи расволикда ҳайф—

каби байтларида шоир сифатидаги мустақил овозини англаб олиш қийин эмас.

Ўз лирикасида замонасининг зулму ситамларига лаънатлар ёғдирган Мужрим Обид ғазаллари, ҳаётдаги нотинчлик, хорлик-зорликларни акс эттирган байтлари, Навоий лирикаси билан ҳам, албатта, алоқадордир. Чунончи:

Умид бирла тузуб эрдим ҳисори ошнолиқини
Бу таъмиримга ҳам вайрона бўлмоқ бор экан охир.

Яна:

Бу кунларким жаҳонни бузгудекдур шиддати оҳим,
Қўёш қўрқуб киролмас мунча тўфонлар мақомига.

Қуйидаги ғазаллар эса тўппа-тўғри Навоий ғазалларига моҳирона назиралар тўқиш натижасидир. Алишер Навоий:

Юз уман меҳнат ўқи андуҳлар жонимдадур
То ҳаводин сарзаниш сарви хиромонимдадур,—

деб ёзган бўлса, Мужрим Обид бундай ёзган:

Охир ул бедодгар қасди мени жонимдадур,
Еки тигин тез этарга муддао қонимдадур.
Кўнгулм афғор ўлганин андин халойиқ фаҳм этар,
Қим хароши доғ кашфи оҳу афғонимдадур.
Мужрим англаб халқи олам кўрдилар кўзга ҳақир,
Билмадилар хосиятлар банду зиндонимдадур.

Тахмисчиликда эса Мужрим маҳорати замондошларидан қолишмайди. Баъзи масалаларда устун ҳам туради:

Оламин фониди кулфатсиз макона топмадим,
Ғайри андуҳу ғаму оҳу фиғоне топмадим,
Бир ғнисе шоду ғам ширин забоне топмадим,
Меҳр кўп кўргуздим, аммо меҳрибоне топмадим,
Жон баса қилдим фидо оромижоне топмадим.

Даҳраро ёлғуз ўзимдек хоксоре кўрмадим,
Боқасу, беёру, беғамхору, хоре кўрмадим,
Бир хазони ноумеди навбаҳоре кўрмадим,
Ғам била жонимга етдим, ғамгусоре кўрмадим,
Ҳажр ила далхаста бўлдим, дилистоне топмадим.

Мана шу далиллар мушоҳадасидан сўнг, биз Алишер Навоийга тақлидчиликда ҳам, издошликда ҳам, мустақил шоирликда ҳам бухоролик Жоний ва Мужрим ижодларида маълум тафовутлар борлигини алоҳида уқтириб ўтишимиз лозим. Уларнинг замондошлари Мирзо Сайфулло шоир Сайфий мулло Қурбон Жоний вафоти муносабати билан ёзган марсиясида:

«Йиғиб гуҳарни кўнгли ичра ул баҳри замон кетти», — деб ёзибди. Сайфий таъбирича, Жоний «кўнгли гавҳарлар билан тўла баҳри замон» бўлган экан. Лекин шоир Жонийнинг УзССР Фанлар академияси Шарқшунослик институтида мавжуд бўлган 125 ва 7483-рақамли девонлари, гарчи ҳажм эътибори билан бир-биридан фарқ қилса-да, аммо тематик доира, ғоявий мазмун ва шеърий форма билан мисраларни ишлашдаги санъаткорлик маҳорати билан ҳам Мужрим девонларидан бирмунча тубан туради.

Аввало, шуни ҳисобга олиш лозимки, Мужрим хом-хатала сўз айтмаслик, сўзда нуқтадонликка эътибор бериш, мазмунни кенгроқ қамраб олиш, ўқувчини ўзига жалб қилиш, «яхшилар ичра писанд» бўлиш каби сўзларни ўзи учун биринчи даражада аҳамиятга эга экан-

Ялғон сўз эрур мартабаи асфали нос,
Эл рост турар назм ила кийдурса либос
(3798, 310-бет).

Хижлат кетурур айғучига фақш калом,
Зинҳор дема нуқтаи сарбастан хом
(3798, 315-бет).

Ҳар сўзки, тан-қулоғи эшитганда жон топар,
Улдур писандки, яхшилар ичра баён топар
(976, 20-бет).

Қоғоз уза беҳуда сухан қилма рақам,
Езмоқға ани ҳайф сиёҳию қалам
(3798, 315-бет).

Ҳар бир ғазалдин ўлди бирор байт интиҳоб,
Кўп назм элида бири табъи расо чиқар
(976, 24-бет).

Сўнгра, Мужрим девонлари, ўз замондоши, мумтоз шогирди хоразмлик Шермуҳаммад Мунис Хоразмий ижодларини эслатади. Навоий яратувчилигига иштиёқманд бўлган Мужрим худди Мунис сингари ўз ижодиётида замонасининг муҳим мавзуларини, илм-ҳунар, фазл-донши, ҳақиқий ошиқлик ва самимий дўстлик, яхшиликка садоқат, ёмонликка нафрат, камтарликка эътибор ва мағрурликка эътироз каби мисраларни қамраб олади, ўз мисралари, байтларини зарбулмасаллар қолипига киритиш устида ишлаб, мана бундай дейди:

Фазлу ҳунар била киши бўлса фариди аср,
Ҳар ерда бўлса рутбаси сўйи само эрур².
Душманни ўзинга маҳрами жон қилма,
Ўз жонингга мунча жабру нуқсон қилма.
Эл машварати бирла ҳам иш топти силоҳ,
Иш қилма, ўз олдинга пушаймон қилма³.
Ҳар мажлисаро ўзи суханвар қилма,
Ялғон сўзунгни чинга баробар қилма.
Дўстингдин агар биров шикоят этса,
Зинҳоранинг қавлини бевар қилма⁴.
Раво кўрди бировким элга нуқсон
Ўз аёқини захми теша қилди⁵.

² «Девони Мужрим», ҳижрий 1299, котиб Мирзо Зулфиқорбек, Беруний номидаги Шарқшунослик институти. инв. 3798. 308 с.

³ Шу китоб, 318-бет.

⁴ Шу китоб, 318-бет.

⁵ Шу китоб, 321-бет.

Тожикча «сарф» радифли шеърида ҳам:

Умр меҳоҳи ба дунё бо табибон боз сарф,
 Хар чи дари дар бисотат бо ҳақимон соз сарф.
 Давлати жовид хоҳи дил ба даст овардан аст
 Умр агар сад сол бошад, бо ғарибон соз сарф⁶, —

леб ёзали.

Гарчи Жоний яратувчилигида ҳам бундай уринишлар мавжуд бўлса-да, лекин унда (ЎзССР Фанлар академияси Шарқшунослик институтида сақланаётган 125, 7483-рақамли девонларида) бунинг каби камолот аломатлари кўринмайди.

XIX аср Бухоро ўзбек адабиётида сатирик асарларнинг бунёдга келиши, бевосита ҳаёт воқеа-ҳодисаларининг мушоҳадасидай кўринса-да, бу бобда ҳам шоирлар Навоийдан кўп фойдаланганлар. Аввалошунини уқтириб ўтиш лозимки, Навоийнинг ўз замонидаги сатира объекти бу даврда ҳам бирмунча ўзига хос асосий объектларини сақлаб қолган. Чунончи, «Эгри ёғоч узра чиқиб эчкудек» маккорликлар қилган шайхларни, Навоий:

Хонаоҳда халқайи зикр ичра ғавғо қилди шайх,
 Аҳли диллар нақд овқотини яғмо қилди шайх,—

деб фош қилган экан, Мужрим Обид, Жоний ва Шавқийлар Навоий замонидаги хурофотчи шайхлар, эндиликда яна ҳам қўполроқ, яна ҳам баттар ва ярамас сифатларни касб этганликларини очиб ташлаганлар. Шоир Мужрим Обид шундай ёзган:

Эл фиребиға узатди туррайи дастор, шайх,
 Ток бўлғай халқ ичра оти бузруквор шайх.
 Алдаб эл молин егунча захр нўш этган қулай,
 Холиё лавлон ғанимат айла истигфол шайх

Шоир мулло Қурбон Жоний ваъзхонликлари—фусункорликдан «фосид хаёл»ликдан иборат бўлган зоҳидлар тўғрисида қуйидагича байтлар тўқиган эди:

Соқие тут бода, зоҳид қилу қолини унут,
 Нашъа тобидин онинг фосид хаёлини унут

(125, 18-а-б).

Яна:

К-ваъзинг ҳақ эса жонлар фидо қилур Жоний
 Ва гар фусун ўлса йўқми уёт э воъиз?

(125, 47—48-бет).

Муҳаммад Шариф Шавқий бўлса, ўзларини «қутби замон» деб эълон қилган—талтайган «аҳли риё» эшонларни — шайхларни «сурати бежон, сийрати шайтон, гурги биёбон» деб қоралади:

Қилдилар аҳли риё ўзларин эшон янглиғ,
 Билдилар ҳийла ишин бу била осон янглиғ,
 Эл кўзига ўзларин айладилар қутби замон,
 Қалбиға боқса киши сурати бежон янглиғ.
 Ҳийлаю макр ила элни ўзига қилди мурид,
 Сурати шайхнамо, сийрати шайтон янглиғ.
 Маърака садри бўлуб бермайин илм аҳлига жой,
 Билмайин илму адаб расмини ҳайвон янглиғ.
 Назр этмай ҳийлаю талбис ила эл молин олиб,
 Ҳазар этмай едилар гурги биёбон янглиғ...
 Хоҳиши нафс учун қилдилар мунча фусун,
 Шавқие қилма ўзинг ботини ялғон, янглиғ.

⁶ «Девони Мужрим Обид» (Мирзо Обид), инв. 991, 52—53-саҳифалар.

Бундан кўринадики, Мужрим ҳам, Шавқий ҳам шайхлар, эшонлар, зоҳидларни сатира остига олганларида — «алдаб эл молин» олганликлари, «хоҳиши нафс учун», «ҳийлаю талбис ила» шуғулланганликлари, «илму адаб расмини» билмаганликлари ва «илм аҳлига жой» «бермаслик пайида бўлганликлари» учун қоралаганлар. Улар, ҳажвий асарлар яратишда, ўз устодлари Навоийдан, Фузулийлардан ўрнатилганликларидан қатъий назар, уларнинг сатиралари ўз замоналарининг реакцион кучларига қарши ўзларининг мустақил овозларидан иборат эди.

Чунончи, XIX аср Бухорода ҳийлаю талбислар билан баланд мансабларга кўтарилиб олган — «зоғу калход»лар ҳақидаги Шавқийнинг қуйидаги сатираси, ўз танқид объекти, мисралар тузилишидаги оригиналлик ва ўзига хос услуб эътибори билан ҳам шоирнинг ўз ихтироси, ўз мустақил эътирози — ўз овозидир:

Урарлар аҳли мансаб эрталар чою палов оқшом,
 Сену мендекларга ҳаргиз муяссар йўқ ғурабодий.
 Бу янглиғ фазл ила найлай диқиб ғурбат йўлин тутмай,
 Бухоро ичра мансаб топдилар ҳар зоғу калходе,
 Расолар ҳолини билмоқ учун Шавқий савол этти,
 Қани бир аҳли дониш то жавобин қилсун иншодий.

Демак, XIX асрда Бухорода фақат Аҳмад Дониш, Шамсиддин Шоҳин, Садр Зиёларгина эмас, балки ижодий фаолиятлари эндигина текширила бошланган мулло Қурбон Жоний, Мужрим Обид, Шавқий Каттақўрғоний, Хиромий, Мирий каби ўзбек шоирлари ҳам; ижодлари ҳали деярли текширилмаган мавлоно Қоне, Сайфулло Сайфий, Мулло Боймўхаммад ўғли Толиб Толибий, Санойи, Бетолёв, Вайсий, Ҳижрий каби шоирлар ҳам бўлганлар. Булар — навоийхонлар, ҳар бирлари ўз ҳолларича Навоийга издош бўлишга интилган шоирлар сифатидагина эмас, балки ўз савиялари ва истеъдодларига кўра, XIX аср ўзбек адабиётида маълум даражада ўз овозларига эга бўлган ижодкорлар сифатида ўрганилиши лозим.

Ҳеч шубҳа йўқки, навоийшунослик бўйича олиб борилаётган илмий текширишлар ва Навоийнинг туғилган кунда ўтказиладиган йиллик традицион илмий конференциялар бу йўлда муҳим тадбир бўлади ва кейинги йилларда катта ютуқларни қўлга киритаётган адабиётшунослигимиз яқин келажакда бу шоирлар ҳақида ҳам ўзининг мукамал хулосаларини чиқара олади.

В. Абдуллаев

НАВОИНСКИЕ ЧТЕНИЯ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ НАВОИ В БУХАРЕ В XIX ВЕКЕ

В статье говорится о любителях и ценителях произведений Алишера Навои, исследователях его творческого наследия и поэтах—последователях великого классика узбекской литературы, живших и работавших в Бухаре в XIX в. Автор приводит убедительные факты, свидетельствующие о большой популярности творчества Навои в Бухаре рассматриваемого периода.

**О РАБОТЕ КОМИССИИ СОВЕТОВ ПО ОХРАНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЗАКОННОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА**

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание укреплению социалистической законности и охране общественного порядка, как одному из основных условий успешного построения коммунистического общества в нашей стране.

«Партия, — говорится в Программе КПСС, — ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих»¹.

За последние годы был принят ряд важных мер по укреплению социалистической законности и дальнейшему развитию советской демократии. Коммунистическая партия преодолела последствия культа личности Сталина, разгромила антипартийную, раскольническую группировку Молотова, Маленкова, Кагановича и др. Решениями XX и XXII съездов КПСС восстановлены ленинские принципы социалистической законности и указаны пути дальнейшего ее укрепления.

Повысилась роль общественных организаций в борьбе с нарушениями советских законов и правил социалистического общежития, появились новые формы участия трудящихся в этом важном деле.

Однако «передача многих важных государственных функций общественным организациям, постепенное превращение силы убеждения и воспитания в основной метод регулирования жизни советского общества не означает и не может означать ослабления контроля за строгим соблюдением норм советского права, дисциплины труда и жизни. Мы должны воспитывать уважение к советским законам. В полную меру надо использовать и силу закона и силу общественного воздействия, влияния»².

Коммунизм и преступность — явления несовместимые. Вот почему сейчас, в период практического осуществления великой программы коммунистического строительства, поставлена задача обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка. В новой Программе КПСС говорится, что в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности. Но пока имеются проявления преступности, необходимо применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни. Главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений»³.

В укреплении социалистической законности и охране общественного порядка в нашей стране огромную роль призваны сыграть Советы депутатов трудящихся, сочетающие черты государственных и общественных организаций и олицетворяющие собой всенародную социалистическую демократию.

Одной из основных организационных форм деятельности Советов, их депутатов, средством вовлечения широкого актива трудящихся в практическую работу Советов, в управление общественными делами являются постоянные комиссии местных Советов, значение которых неизмеримо возрастает ныне, в период развернутого строительства коммунизма в СССР.

Как отмечается в Программе КПСС, «на решение постоянных комиссий местных Советов должно постепенно передаваться все большее число вопросов, находящихся в компетенции управлений и отделов исполнительных органов»⁴.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Изд-во «Правда», 1961, стр. 106.

² Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии

Советского Союза XXII съезду партии, М., Изд-во «Правда», 1961, стр. 102.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 103—104.

В исключительно важном и благородном деле соблюдения и укрепления социалистической законности, охраны государственного порядка и прав граждан большое значение имеет деятельность постоянных комиссий Советов по охране социалистической законности и общественного порядка.

Практическая деятельность постоянных комиссий строится в соответствии с Положением о них, утвержденным Президиумом Верховного Совета Узбекской ССР 23 апреля 1959 г., в котором изложены общие вопросы о роли и значении постоянных комиссий, определен порядок их образования, цели и задачи, права и обязанности комиссий, вопросы, подлежащие ведению отдельных комиссий. Следует отметить, что действующим Положением в перечень постоянных комиссий, образуемых Советами, впервые включена комиссия по охране социалистической законности и общественного порядка.

На первых организационных сессиях, проведенных местными Советами республики после выборов 5 марта 1961 г., было образовано 463 постоянные комиссии по охране социалистической законности и общественного порядка. В их функции входит повседневная работа совместно с исполкомами, органами суда, прокуратуры и милиции по укреплению социалистической законности и обеспечению общественного порядка, контроль за выполнением законов и охраной прав граждан, проверка работы административных комиссий, товарищеских судов, народных дружин, органов милиции, нотариальных контор, юридических консультаций, ЗАГСов, коллегий адвокатов, принятие мер к улучшению их деятельности, борьба с причинами, порождающими антиобщественные явления, широко разъяснение законов и пропаганда правовых знаний среди населения, а также другие вопросы, вызванные жизнью и поднятые трудящимися.

Надо сказать, что эти постоянные комиссии, хотя они существуют недавно, уже накопили известный опыт, проводят значительную работу и полностью оправдывают себя.

Так, целеустремленно работает комиссия Нукусского городского Совета в составе 9 человек, возглавляемая депутатом т. Казбековой — работником Верховного Суда КК АССР. Комиссия начала свою деятельность с изучения вопроса о соблюдении социалистической законности в городе. Члены ее, привлекая свыше 20 специалистов-активистов, проверили работу товарищеских судов и результаты этой проверки поставили на обсуждение 2-й сессии городского Совета 5 апреля 1961 г. Депутаты активно обсуждали доклад прокурора города, сообщения старшего народного судьи и председателя постоянной комиссии, вскрывали недостатки в работе милиции, отдела ЗАГСа и т. д.

На сессии была рассмотрена работа 27 товарищеских судов, созданных в организациях города и разрешивших за год много дел о мелком хулиганстве, пьянстве, оскорблении личности, нарушении трудовой дисциплины. Отмечен положительный опыт автобазы № 51, швейной фабрики, госпединститута, строительного управления, где общественные суды, благодаря правильной организации их работы, широкой гласности и строгому контролю за исполнением решений, сумели свести до минимума проявления антиобщественных проступков.

Постоянная комиссия учла критические замечания, высказанные депутатами на сессии, организовала выполнение принятого Советом решения о работе товарищеских судов и в дальнейшем, оперативно разрешая на местах многие вопросы, некоторые из них выносила на обсуждение исполкома городского Совета. Так, по ее инициативе при отделе ЗАГСа создана общественная комиссия содействия, установлен контакт с 34 квартальными комитетами для разъяснения населению порядка и сроков регистрации актов гражданского состояния, обсуждены результаты проверки охраны трудовых прав молодых рабочих на мотороремонтном заводе и в мастерских треста «Узводстрой», разработаны конкретные меры борьбы с имеющимися еще в городе тушениями.

Постоянная комиссия ведет также большую пропагандистскую работу по разъяснению трудящимся Нукуса советских законов и правил социалистического общежития, организуя лекции и доклады, используя «дни депутата», ежемесячно проводимые городским Советом, собрания граждан по махалля (домоуправлениям) и т. д.

Аналогичная постоянная комиссия Муйнакского районного Совета (председатель комиссии — работник РайФО депутат А. Данияров) тщательно ознакомилась с вопросом безнадзорности детей, выявила и определила 5 человек в трудовую колонию и провела через школы и родительские комитеты необходимую работу по правильному использованию детьми внешкольного времени. Совместно с постоянными комиссиями аульных Советов разработан и обсужден на сессии районного Совета вопрос о нарушениях Устава сельхозартели в колхозах⁵.

В постоянной комиссии Алмадыкского городского Совета по охране социалистической законности и общественного порядка работает 13 депутатов и 22 активиста. Они регулярно следят за соблюдением на предприятиях и в организациях города

⁵ Данные отдела по работе Советов Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР за 1961 г., палка № 5, Постоянные комиссии.

законов о труде контролируют работу по разрешению жалоб и заявлений трудящихся, организацию приема посетителей руководителями предприятий и учреждений.

Обнаружив нарушения порядка оплаты труда молодых рабочих в строительных управлениях треста «Алмалыксвиенстрой» и добившись через городской Совет устранения этих недостатков, комиссия одновременно организовала правовую пропаганду на предприятиях, проводя беседы о советском трудовом законодательстве.

Члены комиссии Р. С. Шакиров, Н. Г. Гузайрова, Г. Г. Черносков и другие неоднократно выступают перед населением города с докладами, пропагандируя и разъясняя советское законодательство.

Ознакомившись с работой добровольных народных дружин на кирпичном, пивном и авторемонтном заводах, члены комиссии отметили нарушение графика дежурств, отсутствие у многих дружинников нагрудных значков и удостоверений, нечеткое руководство дружинами со стороны Городского штаба. По сигналам комиссии Алмалыкский горком партии и горисполком созвали общее собрание дружинников и приняли меры к улучшению работы этих общественных самостоятельных организаций.

Комиссия установила, что в горкомхозе запущена работа по рассмотрению жалоб и заявлений трудящихся. Этот вопрос был обсужден на заседании исполкома, принято специальное постановление, виновники волокиты наказаны и положение в горкомхозе значительно исправлено. Комиссия содействовала также устранению ряда недочетов в работе городской милиции.

Комиссия Нижнечирчякского районного Совета, контролирующая соблюдение законности в 38 организациях района, добилась ликвидации серьезных недостатков в работе ЗАГСa и административной комиссии при исполкоме⁶.

Широко и целеустремленно ведется работа комиссии Ташкентского городского Совета, в составе 17 депутатов (председатель А. А. Поспелов). Строго выполняя планы своей практической деятельности, коллективно утверждаемые на каждый квартал, комиссия занимается самыми насущными вопросами, связанными с укреплением социалистической законности, охраной общественного порядка и прав граждан.

Так, в 1961 г. комиссия проверила работу добровольных народных дружин во всех районах города, и ее предложения по устранению выявленных недочетов были одобрены на заседании горисполкома.

⁶ Данные Ташкентского облисполкома за 1961 г., оргинструкторский отдел, д. 7.

Ознакомившись с работой товарищеских судов на предприятиях и в махалля города, комиссия вынесла эти вопросы на обсуждение соответствующих райисполкомов и бюро райкомов партии. Проверив состояние социально-правовой охраны труда молодых рабочих на предприятиях Ташкента, комиссия передала результаты проверки, свои выводы и предложения на обсуждение профсоюзных организаций.

Комиссия тщательно ознакомилась с работой по разрешению жалоб и заявлений трудящихся в аппарате горисполкома, некоторых отделах и управлениях, а также в исполкоме Октябрьского районного Совета, и по ее предложению были приняты меры к ликвидации многих недостатков и улучшению постановки этого важного дела.

Следует отметить исключительную четкость работы самой комиссии. Заседания ее, на которых рассматриваются и оперативно разрешаются многие вопросы, происходит обмен опытом и обсуждаются дальнейшие планы и очередные комплексные мероприятия, проходят весьма активно. За каждым членом комиссии закреплены определенные участки работы, практическая деятельность комиссии координируется с аналогичными постоянными комиссиями районных Советов города⁷.

Все эти и другие известные нам факты из опыта работы постоянных комиссий местных Советов свидетельствуют о безусловно положительной и перспективной роли этих новых массовых организаций Советов, и нам хотелось лишь высказать некоторые соображения о дальнейшем совершенствовании их деятельности.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в ряде Советов не придается должного значения роли постоянных комиссий по охране социалистической законности и общественного порядка.

Из 988 местных Советов VIII созыва указанные комиссии созданы лишь в 463 Советах. Таких комиссий нет еще в Самаркандском областном Совете, в трех городских, 29 районных, 369 сельских и ряде поселковых Советов⁸. Это — серьезный минус в работе Советов республики. Постоянные комиссии по укреплению социалистической законности и охране общественного порядка должны быть созданы при всех Советах Узбекистана.

В ст. 2 Положения о постоянных комиссиях указывается, что их члены избираются лишь из числа депутатов данного Совета. Между тем, повышение

⁷ Данные Ташкентского горисполкома, папка «Постоянная комиссия по охране социалистической законности и общественного порядка», 1961.

⁸ См. И. Бабков, Строго соблюдать социалистическую законность, «Коммунист Узбекистана», 1961, № 9, стр. 30.

роли комиссий в непосредственном решении вопросов хозяйственного и культурного строительства, передача им ряда функций от исполкомов и их отделов, дальнейшее развитие социалистической демократии требуют, чтобы в работе комиссий участвовало достаточное количество опытных, сведущих лиц, что не всегда обеспечивается при наличии относительно небольшого числа депутатов, особенно в районных, сельских и поселковых Советах. Поэтому мы считаем целесообразным, чтобы в состав постоянных комиссий в необходимых случаях, избирались и не депутаты Советов, что, кстати сказать, успешно практикуется в Литовской и Латвийской ССР.

Избрание лучших активистов членами постоянных комиссий Советов будет несомненно, содействовать более плодотворной работе и повышению авторитета комиссий, ни в коей мере не приводя к стиранию грани между активистами и депутатами, которые пользуются правом решающего голоса на сессиях, правом запроса, правом депутатской неприкосновенности, обязанностью отчитываться перед избирателями и другими правами и обязанностями, характеризующими депутата местного Совета.

В целях расширения сферы деятельности постоянных комиссий, более оперативного решения назревших вопросов и устранения недостатков непосредственно на месте, целесообразно также наделить все постоянные комиссии Советов правом вынесения в отдельных случаях не только рекомендаций, но и обязывающих решений, что не предусмотрено действующим Положением.

Изучив на месте тот или иной вопрос и убедившись, что данное мероприятие следует провести безотлагательно и что оно поддерживается абсолютным большинством трудящихся, постоянная комиссия, как орган Совета, должна иметь возможность, не ожидая очередной сессии Совета или заседания исполкома, принять, в необходимых случаях, и обязывающее решение в пределах своей компетенции, осуществить его, а затем доложить об этом на очередной сессии.

Поэтому мы не можем согласиться с мнением о том, что пока нет необходи-

мости придавать рекомендациям постоянных комиссий силу обязательных указаний⁹, и поддерживаем предложения о предоставлении им прав на вынесение не только рекомендаций, но и обязывающих постановлений¹⁰.

Кроме того, при проведении различных проверок постоянными комиссиями следует передавать и некоторые функции государственного контроля. Это не умаляет значения органов государственного контроля, а лишь умножает их силы. По мере дальнейшего развития советской демократии функции государственного контроля будут, несомненно, переходить к общественным организациям трудящихся.

Наконец, нам представляется необходимым упорядочить само наименование постоянной комиссии. В настоящее время эти комиссии именуется по-разному. Например, в Москве они называются комиссиями по административно-правовым вопросам, в Казахской ССР — постоянными комиссиями социалистической законности, в Белорусской ССР — постоянными комиссиями социалистической законности и охраны общественного порядка, в Узбекской ССР — постоянными комиссиями по охране социалистической законности и общественного порядка.

Наиболее правильным, на наш взгляд, было бы именовать их постоянными комиссиями по укреплению социалистической законности и охране общественного порядка, ибо такое название точнее всего отражает круг задач, стоящих перед ними. Ведь эти комиссии должны организовывать общественность на работу за соблюдение не только норм советского права, но и норм коммунистической нравственности, правил социалистического общежития, сложившихся в нашем советском обществе.

К. Назаров

⁹ См. В. И. Попова, Работа местных Советов по обеспечению социалистической законности, М., Госюриздат, 1959, стр. 41.

¹⁰ См. «Тезисы докладов и научных сообщений на Московской межвузовской конференции», М., Изд-во МГУ, 1960, стр. 31.

О ВЛИЯНИИ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ НА РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ РАБОЧИХ ТУРКЕСТАНА (К 50-летию Ленского расстрела)

17 апреля 1962 г. исполняется 50 лет со дня Ленского расстрела — одного из самых кровавых злодеяний царизма, жертвами которого стали сотни рабочих Ленских золотых приисков. Расстреляв в далекой сибирской тайге мирную демонстрацию рабочих, направившихся на переговоры с администрацией приисков, царизм думал запугать народ, подавить

растущее революционное движение в стране.

В. И. Ленин увидел в выступлении ленских рабочих одно из проявлений общего протеста против невыносимого гнета царского самодержавия. «Именно это общее бесправие русской жизни, — писал он, — именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно

эта несправедливость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы революционными огнем¹.

Кровавая драма на Лене потрясла страну. По всей России прокатилась мощная волна массовых стачек, демонстраций и митингов протеста. «После ленского побояща в апреле 1912 года, — писал В. И. Ленин, — стала подниматься волна могучих массовых забастовок, которые перекидывались из конца в конец страны и расшатали царизм настолько, что к лету 1914 года дело дошло до баррикад в Петрограде...»². Россия вступила тогда в полосу нового революционного подъема, и ленские события и первомайские забастовки 1912 г. «окончательно определили его наступление»³.

Годы жесточайшей реакции и кровавого террора не сломили волю российского пролетариата к борьбе. Уже с конца 1910 г. в рабочем движении «начинается заметный поворот»⁴. Исчезает усталость, навевшая поражением революции 1905 г., растет политическая активность масс. Число стачечников в 1910 г. составило около 50 тыс., а в 1911 г. превысило 100 тыс. человек. С 1911 г. начинается «медленный переход в наступление со стороны рабочих масс»⁵.

В 1912 г. происходит новый подъем рабочего движения в стране, особенно резко усилившийся после ленских событий, ставших, как указывал В. И. Ленин, поводом перехода революционного настроения масс в революционный подъем⁶. Уже в апреле в России бастовало 300 тыс. рабочих, в первомайских забастовках участвовало около 400 тыс. человек, а всего в стачках 1912 г. приняло участие около 1,5 млн. рабочих. Под влиянием рабочего движения усиливаются крестьянские выступления, брожение в армии и флоте.

Революционное движение охватило и национальные окраины страны, в том числе Туркестан, где положение трудящихся было еще хуже, чем в Центральной России. Уже в 1910 г. охранка неоднократно отмечала растущее недовольство рабочих в крае. Несмотря на репрессию. «на Средне-Азиатской железной дороге чувствуется вредный элемент...», — доносил начальник Закаспийской области туркестанскому генерал-губернатору в мае 1910 г.⁷ Судя по донесениям охранки, в железнодорож-

ных мастерских распространялись прокламации с протестом против притеснений начальства и с призывом к объединению рабочих для борьбы с угнетателями.

В начале 1912 г. большое недовольство железнодорожных рабочих вызвали попытки администрации снизить расценки за поденную работу.

Весть о расстреле ленских рабочих достигла Туркестана в начале апреля 1912 г. 7 апреля газета «Закаспийское обозрение» поместила две заметки — «Положение в Ленском золотопромышленном районе» и «Страшная драма». Бессмысленность зверской расправы царских палачей с рабочими Ленских приисков была столь очевидной, что газета писала: «У всех, у кого не зачерствело сердце, невольно поднимается вопрос: неужели нельзя было предотвратить этой кровавой расправы?»⁷

Духом возмущения была проникнута статья «Так было, так будет», напечатанная в газете «Асхабад» 22 апреля 1912 г. «Зачем эта кровь, зачем эти горы трупов? Разве нельзя было иначе?... Почва для забастовки была подготовлена и создана алчными баронами Гинзбургами и господами Тимирязевыми, наживавшими на ревматизмах и голодухе подъяремных рабочих золотые горы... И надо удивляться не тому вообще, что вспыхнула забастовка, а тому, что она вспыхнула так поздно...»⁸.

В «Туркестанском курьере» 7 апреля была напечатана статья «Столкновение забастовщиков с войсками» с описанием ленских событий. Даже официальный орган — «Туркестанские ведомости», — вначале печатавший заметки о Ленских событиях в строго официальном духе, под давлением неопровержимых фактов меняет тон. 17 апреля в газете появляется заметка «Ленская трагедия», в которой после замечания о том, что в ленском деле «много темного и трудно объяснимого», следует признание, что компания, «добывавшая груды золота из промерзших ленских песков, ставила труд рабочих в очень тяжелые условия...»; «там наживалось в короткое время миллионное состояние...»⁹.

Местные власти были крайне недовольны появлением подобной информации. Редактор «Туркестанского курьера» за опубликование результатов ревизии сенатора Манухина, расследовавшего обстоятельства Ленского расстрела, был подвергнут штрафу в 300 руб. с заменой, в случае неуплаты, тюремным заключением на один месяц.

⁷ «Закаспийское обозрение», 7 апреля 1912 г.

⁸ «Асхабад», 22 апреля 1912 г.

⁹ «Туркестанские ведомости», 17 апреля 1912 г.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 87.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 254.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 85.

⁴ Там же, стр. 86.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Когда известие о Ленских событиях достигло рабочих Туркестана, оно вызвало волну всеобщего возмущения. Первыми подали голос протеста железнодорожные рабочие. «Пронсшедшее на Ленских приисках, — говорилось в донесении охраны, — усиленно обсуждается в железнодорожных мастерских. Живо также интересуются и газетными сведениями о происходящих демонстрациях и забастовках»¹⁰.

Обеспокоенная волнениями в рабочей среде, местная охранка решила «прошупать» настроения железнодорожных рабочих. Заведующий Асхабадским розыкным пунктом организовал специальную поездку в Красноводск «с целью выяснения настроения рабочих мастерских ввиду последних событий на Ленских приисках».

В Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги была организована однодневная забастовка в знак сочувствия и поддержки ленских рабочих. За ней последовали выступления и протесты в других городах и железнодорожных пунктах края. В Ташкенте рабочие пытались организовать «траурную» забастовку. Их поддержали на линии, однако другие дороги не примкнули к стачке.

Рабочие депо Туркестан Ташкентской дороги 21 апреля 1912 г. организовали собрание, на котором обсуждался вопрос о необходимости совместного выступления с рабочими Среднеазиатской железной дороги. Инициаторами этого собрания были рабочие А. Шавкин, В. Мигачев, А. Заранин. 26 апреля 1912 г. было решено провести новое собрание рабочих ст. Туркестан и обсудить вопрос о забастовке по поводу Ленских событий.

Рабочие депо ст. Чарджуй провели сбор денег в помощь ленским рабочим. Позднее сбор денег в пользу вдов и сирот жертв Ленского расстрела был проведен на многих станциях Среднеазиатской железной дороги.

В мае рабочее движение в крае усилилось. Здесь состоялся ряд выступлений и митингов железнодорожных рабочих, в том числе в Ташкентских главных мастерских и в мастерских Кызыл-Арвата. На этих митингах рабочие обсуждали вопрос об усилении революционной борьбы в связи с Ленскими событиями.

Для растущего революционного подъема второй половины 1912 г. в Туркестане, как и по всей стране, было характерно сочетание экономических и политических выступлений рабочих, что свидетельствовало о большом размахе рабочего движения и вовлечении в него даже самых отсталых слоев пролетариата.

«Политическая и экономическая стачки... — указывал В. И. Ленин, — взаим-

но поддерживают друг друга, составляя источник силы одна для другой». Без их тесной взаимосвязи невозможно полностью массовое движение, «получающее общенародное значение»¹¹.

Оживление пролетарского движения было самым тесным образом связано с активизацией деятельности революционной социал-демократии, большевиков-ленинцев.

На Среднеазиатской железной дороге в 1912—1913 гг. действовало несколько социал-демократических кружков и групп. В Главных мастерских дороги под руководством большевика Н. В. Шумилова работал кружок большевистского направления. В 1912 г. была организована социал-демократическая группа среди рабочих линейного и вагоностроительного цехов. Большевистские группы создаются и в Бородинских мастерских Ташкентской железной дороги.

В годы революционного подъема восстанавливаются социал-демократические кружки в Асхабаде, в железнодорожных мастерских Кызыл-Арвата, депо Казанджик и других станций Среднеазиатской железной дороги.

«Деятельность революционных организаций за последнее время усилилась, — доносил в канцелярию генерал-губернатора начальник туркестанского районного охранного отделения в июле 1913 г. — Все усилия революционных руководителей направлены на революционную пропаганду среди войск и железнодорожных рабочих»¹².

Укрепляя и расширяя связи с рабочими, революционные социал-демократы вели широкую агитационную и пропагандистскую работу. При арестах и обысках у них неоднократно находили марксистскую литературу. В январе 1912 г. из Туркестана под гласный надзор полиции был выслан Г. Клименко, «позобличенный в распространении революционных изданий». При обыске у него были обнаружены марксистские брошюры. «Сильная погрешность и захватанность грязными руками, — отмечалось в протоколе, — указывает на то, что таковые широко распространялись в рабочей среде».

В апреле 1913 г. из края был выслан большевик Вахнин, у которого при обыске была изъята марксистская литература. У В. Т. Бакрадзе в 1913 г. была найдена целая библиотека социал-демократической литературы¹³. В феврале 1913 г. из Баку приехал рабочий Тимофей Никитин, который привез марксистскую литературу и передал ее местным социал-демократам.

¹¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 67.

¹² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 141, л. 1.

¹³ ЦГА УзССР, ф. И-133, оп. 3, д. 418, л. 8.

¹⁰ См. «История Узбекской ССР», т. 1, книга вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 294.

Большую пропагандистскую работу вел кружок Н. В. Шумилова в Главных мастерских. По воспоминаниям Д. И. Манжары, в нем постоянно обсуждались злободневные политические темы, распространялась большевистская литература и т. д.

В развитии революционной пропаганды среди рабочих большую роль играла местная и центральная печать большевистского направления. Известно, что рабочие Главных мастерских нередко читали большевистскую «Звезду», а затем «Правду», которой они оказывали широкую материальную поддержку. Газету «Правда» выписывали рабочие всех цехов мастерских; она распространялась и среди железнодорожных рабочих других городов края.

13 ноября 1913 г. вышел первый и единственный номер газеты «Ташкентский рабочий» — орган социал-демократических организаций Ташкента, — в подготовке которого немалую роль сыграли железнодорожные рабочие. В статье «Мастерские Ташкентской железной дороги» газета призывала рабочих объединиться и решительно добиваться улучшения условий своей жизни и труда.

В рабочей среде распространялись также решения Пражской конференции и совещаний ЦК РСДРП 1913 г. Этим решением руководствовались все большевистские группы и организации на местах.

Призыв Краковского («Февральского») совещания (декабрь 1912—январь 1913 г.) «к подному сплочению и слиянию с.-д. рабочих без всякого различия национальностей» для борьбы «против угнетающего все народы России царизма и против объединяющейся буржуазии всех наций России»¹⁴ был воспринят большевиками Туркестана как руководство к действию, к усилению партийной работы среди местных трудящихся.

И результаты этой работы не замедлили сказаться. Даже в документах охранки (июль 1913 г.) отмечалось, что «местные сознательные мусульмане в последнее время стали интересоваться задачами и внутренним порядком русских политических организаций и главным образом партии социал-демократов».

Активная деятельность большевиков способствовала дальнейшему усилению рабочего движения в 1913—1914 гг. По официальным данным, в 1913 г. в России бастовало 1272 тыс. человек, а в первой половине 1914 г. — около 1,5 млн. человек.

На Среднеазиатской железной дороге весной 1913 г. волнения охватили значительную часть железнодорожных рабочих. В феврале 1913 г. волнения «на экономической почве» наблюдались среди рабочих нового депо в Кызыл-Арвате. Рабочие провели сбор денег для политических за-

ключенных в тюрьмах. В депо ст. Черняево в феврале произошли волнения рабочих, связанные с низкой оплатой их труда. Рабочие ж.-д. ст. Асхабад готовились к забастовке, ожидая сигнала из Ташкента.

В марте 1913 г. происходят волнения рабочих мастерских Среднеазиатской железной дороги, а в апреле — среди рабочих сборного цеха мастерских Асхабада. Летом 1913 г. охранка неоднократно отмечала большое недовольство рабочих в Ташкенте, Кызыл-Арвате и на других станциях Среднеазиатской дороги.

В январе 1914 г. в знак солидарности с петербургским пролетариатом вспыхнула забастовка среди железнодорожных рабочих Ташкента. В марте 1914 г. произошли волнения среди рабочих Кызыл-Арватских мастерских, а в апреле и мае — в Ташкентских главных мастерских.

Усиливалось и недовольство рабочих, строивших Бухарскую железную дорогу. Возмущенные жестокой эксплуатацией, тяжелыми условиями жизни и беспредельным произволом администрации, они неоднократно бросали работу и массами уходили со стройки. Следует отметить, что значительную часть строителей Бухарской дороги составляли трудящиеся местных национальностей. К маю обстановка на дороге настолько обострилась, что обеспокоенная администрация дороги доносила российскому политическому агенту в Бухаре: «... Если такое положение будет идти далее, то нужно ждать, что недовольствие перейдет со стороны туземцев к решительным мерам»¹⁵.

Все эти выступления железнодорожных рабочих Туркестана были составной частью общероссийского революционного движения, охватившего широкие массы рабочих как в центре страны, так и на ее окраинах.

Ленский расстрел стал искрой, от которой загорелось пламя нового мощного революционного подъема в стране. В. И. Ленин охарактеризовал его как «великий исторический перелом в рабочем движении России». Россия, писал Ленин, вновь оказалась «впереди всех, даже наиболее развитых стран мира... Россия вступила в полосу нарастания новой революции».

В совместной борьбе против общих врагов — царизма, российских и местных эксплуататоров — складывался и креп боевой союз русского пролетариата с трудящимися национальных окраин России. Этот союз, выкованный ленинской Коммунистической партией, стал залогом победы социалистической революции в нашей стране, свершенной в октябре 1917 г.

Г. С. Кунавина

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 325, л. 6.

¹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 120.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7-е, М., Госполитиздат, 1954, стр. 300.

ХОДЖИКЕНТСКАЯ ПЕЩЕРА № 2 — МУСТЬЕРСКИЙ ПАМЯТНИК БЛИЗ ТАШКЕНТА

Весной 1957 г. по инициативе ЦК ЛКСМУз, под руководством археолога Г. В. Парфенова был организован отряд юных краеведов для изучения древнейшей истории горных и предгорных районов близ Ташкента.

Объектом исследования было избрано сел. Ходжикент Бостандыкского района Ташкентской области. Здесь юные краеведы обнаружили замечательные наскальные изображения, сделанные в глубокой древности. Школьники Н. Губайдуллин, Ю. Тысенко, Ю. Прицеляев, С. Маленко и Е. Слепов нашли на поверхности Ходжикентского грота каменные пластины, изготовленные древним человеком. Этими открытиями заинтересовался находившийся в Ташкенте ленинградский археолог В. П. Любин, который той же весной посетил пещеру и установил мустьерский возраст находок¹.

Весной 1958 г. в Ходжикент выехала палеолитическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР в составе А. П. Окладникова (начальник экспедиции), З. А. Абрамовой, В. И. Сенчукова, М. Касымова, Ю. Буржкова, К. Бирилюевой и Х. Насретдинова, приступившая к раскопкам грота.

Грот открыт на северо-запад, высота его в средней части у входа достигает 2,5 м, глубина — не более 4 м, ширина входа — до 6 м. Скальный пол грота, в значительной части обожженный от рыхлых наслоений, круто поднимается от входа к западной стенке. Перед гротом находится довольно ровная небольшая площадка, которую пересекает невысокий расплывчатый вал, образованный, возможно, за счет выброса из пещеры.

На этой площадке и частично в наружной части грота был заложен раскоп размером 6 × 6 м. В восточной части грота на небольшой глубине обнаружен слой желтой вязкой глины, в котором *in situ* находились культурные остатки мустьерского времени. В западной части культурного слоя не сохранилось.

За пределами грота находится мощный гумусированный слой, толщина которого возрастает по мере удаления от грота, соответственно падению скального основания. На поверхности слоя и в нем изредка встречается переотложенный мустьерский материал, а также обломки керамики XIV—XV вв. Здесь обнаружены следы очага, горевшего длительное время, и собрано при раскопках около 400 каменных изделий мустьерской эпохи, а также кости животных и обломки панциря черепахи.

¹ А. П. Окладников, Работы палеолитического отряда в 1958 г., «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 1958, № 4, стр. 55.

Весной 1959 г. была вновь проведена разведка в районе Ходжикента и продолжены раскопки в северо-восточной части грота первой ходжикентской пещеры. Затем началось исследование обнаруженной рядом второй пещеры. Результатам этого исследования и посвящено данное сообщение².

Вторая ходжикентская пещера представляет собой низкую нишу, вход которой обращен к северу. С первого взгляда трудно даже предположить, что здесь находилось стоябище древнего человека. Однако заложенный нами по указанию А. П. Окладникова раскоп показал, что пещера действительно служила жилищем.

Перед гротом находится довольно ровная площадка размером 7 × 18 м. В наружной части грота был заложен раскоп площадью 7 × 7 м. Раскопки показали, что в глубине пещеры, на кв. 8А-IV, 9А-IV, 11А-IV лежал желтый липкий пещерный слой без находок, мощностью 5—25 см. На остальных квадратах сверху лежал гумусный современный слой с редкими кусками камня, обвалившегося сверху; местами встречались обломки черепков глиняных сосудов (вплоть до XX в.). Толщина слоя — 5—80 см.

Второй слой — переотложенная пещерная земля, смешанная с первым слоем. Местами в нем имеются скопления черепков, относящихся к средним векам, и отдельные кости животных. Толщина слоя — 15—50 см.

Далее идет плотная желтая пещерная глина со щебнем. Это и есть собственно культурный слой, связанный с существованием в гроте его первобытных обитателей. В основании этого слоя собрано более 150 каменных изделий мустьерского времени. Здесь найдены отщепы и пластины, заготовки нуклеусов и нуклеусы типа левалюа, обломки костей животных и клык кабана. Толщина слоя — 7—60 см.

По 8-му квадрату проходит северо-западная граница пещеры с соседней ходжикентской пещерой № 1. Здесь культурный слой отсутствует. На квадратах 8А-IV, 8А-III, 8А-II, 8А-I сохранился слой желтой вязкой глины, толщиной 10—20 см. На квадратах 8А, 8Б, 8В скальное дно частично покрыто современ-

² В работах экспедиции 1959 г. под руководством А. П. Окладникова участвовали: У. Исламов, М. Касымов, Х. Насретдинов, Х. Насретдинова, Ю. Мочанов, Ю. Кузнецов, М. Бриллиант, А. Аскаров и П. Т. Конопля. Члены экспедиции М. Касымов и Ю. Мочанов занимались разведкой горных и предгорных районов на территории Бричмуллы для выявления новых палеолитических памятников.

ным гумусным слоем, а в северо-западной их части оно выходит на поверхность.

Кв. 8А-IV — находится под навесом пещеры. На скальной поверхности ее дна сохранился слой желтой пещерной глины, очень сырой и вязкой. Культурные остатки здесь отсутствуют. Остальные квадраты по линии 8 и линии А-IV также лишены культурных остатков. Мощность слоя — до 20 см.

Кв. 9А-III — при выходе из пещеры на площадку. Здесь лежит слой плотной гли-

Длина отщеп — 8,1 см, максимальная ширина — 4 см, толщина — 2 см (рис. 2, 9).

Остальные квадраты по линии 9 лишены культурных остатков.

Кв. 10А-II — на открытой площадке перед навесом грота. У северо-западной стенки квадрата найден один массивный отщеп из темно-серой глинистой породы, очень плохой сохранности.

Кв. 10А-III, 10А-I, 11А-II, 11А-I — были частично покрыты большой глыбой, упавшей сверху. Под ней найдено 12 камен-

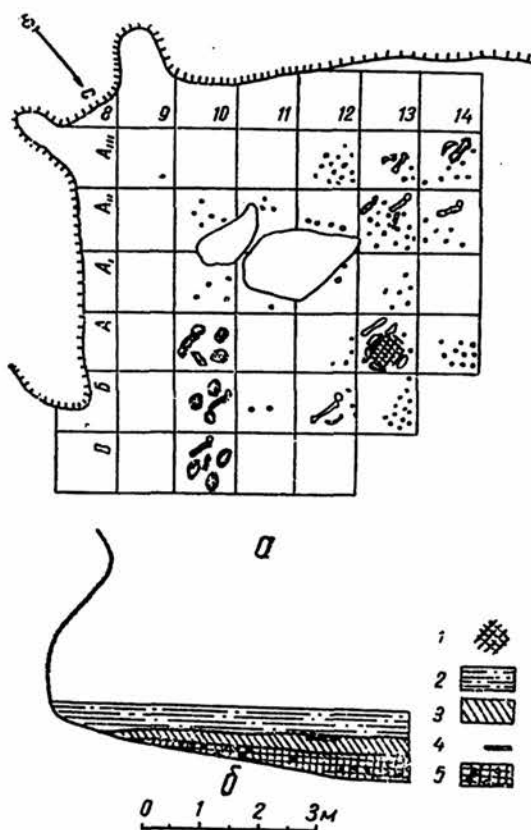

Рис. 2. План раскопок Ходжикентского грота II (1959 г.).

а. План грота. б. Продольный разрез грота. 1—очаг, 2—современный слой, 3—средневековый слой, 4—вольно-углистый слой очага, 5—мустьерский слой.

ны, смешанной со щебенкой, толщиной 25 см. На северо-западной границе квадрата при очистке скального дна у входа в пещеру найдена находка, относящаяся к культуре мустьерского человека. Это — отщеп, изготовленный из серого кремнистого известняка. На спинке отщепла имеется ряд сколов, направленных с двух противоположных концов изделия. Нижняя поверхность его гладкая; ударная площадка слегка подправлена, чуть наискось по отношению к боковому краю.

ных изделий, в том числе 3 обломка пластин и 5 отщепов.

Кв. 10А-I — мощность культурного слоя 25 см. В северо-западной части квадрата найдено 3 отщепла, обломок гальки с валунной корочкой и пластина из окремненной породы.

Особенно хорошо сохранилась двухфасеточная пластина из черного кремнистого известняка. На спинке ее имеется два параллельных широких и ряд мелких сколов, направленных от основания пласт-

тины к ее верхнему ковшу. Следы ударной площадки заметны с двух концов, ибо эта пластина была снята с двухплощадочного нуклеуса. Длина пластины — 7,8 см, ширина — 3 см, толщина — 1,1 см (рис. 2, 10).

На квадратах 10А, 10Б, 10В встречены речные гальки, очевидно, предназначенные для изготовления орудий, но не ис-

ся в направлении с юга на север, а вся площадь квадрата усыпана камешными изделиями. Мощность слоя — 35 см, а в южной части квадрата — 20 см. Северо-восточная и северо-западная линии этого квадрата, а также квадраты 12А-И, 12А и 11А заняты большими камнями, упавшими со свода пещеры. Вокруг камней и

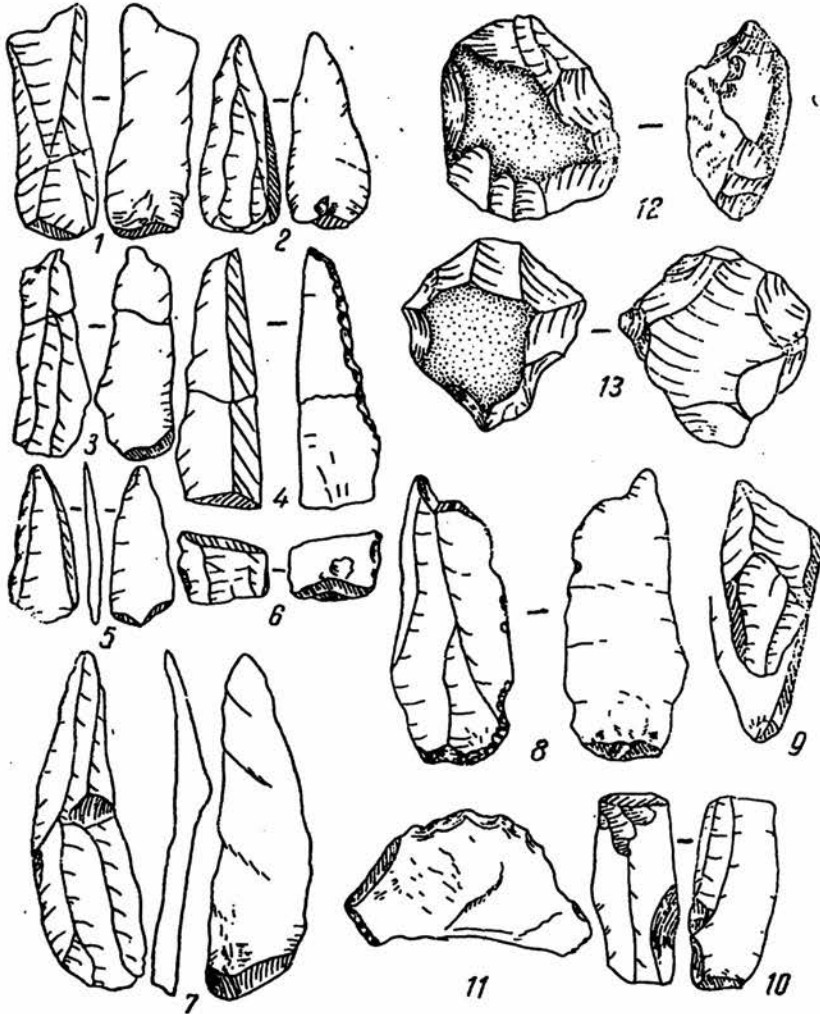

Рис. 2. Находки из Ходжикентского грота II.

1—многофасеточная пластинка, снятая с двухплощадочного нуклеуса, 2—5—треугольные пластинки типа остроконечника, 6—обломки пластины с ретушью, 7—удлиненная книжаобразная пластина из серого кремнистого известняка, 8—широкая удлиненная пластина с ретушью, 9—отщеп из серого камня, 10—двухфасеточная пластина из черного кремнистого известняка, 11—грубое скребло на отщепе (магнетит?), 12—дисковидный нуклеус, 13—нуклеус типа леваллуа.

пользованные. Рядом лежали скопления костей животных.

Кв. 11А-IV — мощность слоя 25 см. В нем совершенно отсутствуют каменные изделия, как и в квадрате 10А-II.

Кв. 11А-II — здесь пол грота понижает-

под ними обнаружено 8 отщепов и одна пластина.

Кв. 11А-I — под большой глыбой на скальном дне пещеры вместе со щебнем лежала одна пластина плохой сохранности. На остальных квадратах по линии I

культурный слой был перемешан. Здесь найдено много фрагментов керамики, относящейся к средним векам, и обломки костей животных. Каменные изделия отсутствовали. На квадратах по линии 12 отмечается резкий уклон, даже выемка глубже 1 м от основания культурного слоя на северо-западных квадратах.

Кв. 12А-IV — здесь скальное дно под навесом по направлению к северо-восточной стенке грота было настолько гладким, что казалось отшлифованным. На нем лежал слой желтой глины, очень сырой и смешанной со щебнем; каменные изделия отсутствуют.

Кв. 12А-III — мощность культурного слоя (смешанного со щебнем) достигала 50 см. Среди щебня в первичном состоянии обнаружено 20 каменных изделий, в том числе небольшие отщепы из разных пород камня со следами ретуши или сработанности краев, 2 пластины из черного сланца и сильно патинизированное орудие из мелкого камня.

Кв. 12А-II — в центре его под глыбой камня на глубине 60 см найдены великоленная треугольная пластина (рис. 2,7), широкий отщеп и узкая пластина с ретушью. Всего найдено 8 каменных изделий.

Кв. 12А-I — на той же глубине, что и в квадрате 12А-II, под большой глыбой найден треугольный пластинчатый отщеп и небольшой отщеп плохой сохранности.

Кв. 12А — мощность культурного слоя — до 1 м. В глубине квадрата, близ квадрата 13А, был найден клык дикого кабана и ряд отщепов.

Кв. 12В — под средневековым слоем мощностью 60 см лежали большие куски известняка, а под ними — мелкий щебень, среди которого также найдены отщепы из глинистой породы весьма плохой сохранности и мелкие кости архара.

Кв. 13А-I — мощность культурного слоя достигала 90 см. На глубине 60 см начали встречаться каменные орудия в перетолженном состоянии вместе со средневековыми черепками и кости животных. На глубине 90 см лежал нетронутый мустьерский слой. Здесь, под щебнем на скальном дне пещеры, было найдено 23 каменных изделия, из них 17 отщепов, 2 пластины, 1 нуклеус типа леваллуа, 1 дисковидный нуклеус и 2 обломка нуклеусов (см. рис. 2, 12, 13).

Кв. 13А-II — характер отложений тот же, что и на квадрате 13А-III. Культурный слой не нарушен. Мощность его увеличивается по мере удаления от стенки грота. При очистке поверхности скального дна под щебнем найдено 21 каменное изделие: 14 отщепов, 4 обломка нуклеусов, 2 пластины, 1 обломок острокопечника. Один отщеп имел с одного края на широком лезвии следы сработанности; на поверхности его сохранилась первичная валунистая корка. Кроме каменных из-

делий, здесь найдены мелкорасколотые кости дикого кабана³.

Кв. 13А-F — каменные изделия лежали вместе со щебнем на глубине 1 м, под скальным дном пещеры. Здесь найдены: 1 заготовка нуклеуса, 3 пластины, 3 отщепы и 15 галек, предназначавшихся, очевидно, для изготовления орудий, но не использованных.

Кв. 13А — на глубине 1 м обнаружено очень слабо выраженное пятно очага, который сполз с юго-западной границы этого квадрата. Рядом лежали 5 больших круглых и овальных камней и обломки трубчатых костей животных. Между камнями найдено 4 отщепы весьма плохой сохранности, превратившихся в песок или песчанистую глину. Этот квадрат был очень сырым, что и отразилось на плохой сохранности отщепов.

Кв. 13Б — все находки концентрировались в северном углу квадрата. Глубина слоя превышала 1,5 м. Здесь найдено 26 каменных изделий, в том числе 10 пластин и обломков пластин, 11 отщепов, 1 обломок острокопечника, 1 нуклеус, 1 обломок нуклеуса, 2 удлиненных листовидных отщепов.

Кв. 14А-III — здесь обнаружены: 1 нуклеус, 2 отщепы, 1 краевой скол (длинной 9 см) и обломки костей животных.

Кв. 14А-II — находки залежали на глубине 1,3 м у северо-западной границы квадрата. Здесь найдено 2 отщепы, 1 пластина и 1 краевой скол со следами сработанности.

Кв. 14А-I — обнаружено 4 пластины из сланца очень плохой сохранности и 20 обломков мелкорасколотых трубчатых костей архара.

Кв. 14А — пол пещеры резко понижался к северу и северо-востоку. Все находки концентрировались на глубине 1,7 м в нижнем по склону, т. е. в северном углу квадрата. Культурный слой здесь весьма сырой, и большинство находок сохранилось очень плохо. При раскопках извлечено 10 каменных изделий, из них 8 отщепов и 2 пластины.

Судя по предварительным данным, можно утверждать, что основным местом, где протекала жизнь обитателей Ходжикентского грота II, была открытая площадка горной террасы перед гротом, полого спускающаяся на северо-запад и фактически являющаяся продолжением (на запад) площадки на горной террасе грота I.

Каменный инвентарь Ходжикентского грота I по раскопкам 1959 г. относительно невелик. Но он представляет собой, как и в гроте I, целостный комплекс, относящийся к развитому мустьерскому времени. Основным сырьем для изготовления каменных орудий здесь, как и в Тешикта-

³ Предварительное определение палеозоолога Н. М. Ермоловой.

ше, был темно-серый кремнистый известняк, который добывался, по-видимому, из галечно-валунных отложений. Найдены также орудия из кристаллического сланца и других горных пород, например большой (6,2×3,8×2,0 см) обломок нуклеуса с несколькими мелкими сколами из черной гальки тяжелой железистой породы (магнетит ?) и грубое скребло (6,2×3,8×2,0 см) на отщепе из той же породы (рис. 2, 11). На его тонком дугообразном лезвии имеется грубая зубчатая ретушь, выполненная мелкими сколами. Обе поверхности гладкие.

Встречаются также изделия из мелкокристаллической породы черного цвета или из метаморфизованных сланцев темно-коричневого цвета. Реже попадаются поделки из породы типа розового известняка или песчаника, а также из настоящего, но весьма грубого темно-бурого кремня.

Среди изделий на первом месте стоят отщепы (113), затем идут пластины (26), заготовки нуклеусов (5), нуклеусы (3), обломки остроконечников (2). Ряд пластин имеют по краям следы ретуши.

Среди отщепов из Ходжикентского грота встречаются типичные треугольные мустьерские отщепы широких пропорций, снятые с обычного дисковидного нуклеуса. Пластины могут быть разделены на две группы. В первую входят пластины, снятые с ребра гальки-нуклеуса, поэтому у них сохраняется на одном конце спишки первичная корка. Они имеют характерную удлиненную форму, массивную в сечении. Ударная площадка плоская, ровная. На спишке имеются три грани. Ряд других пластин представляют собой по форме узкие треугольники и подтреугольники (рис. 2, 2—5).

Среди изделий Ходжикентского грота имеется отщеп, аналогичный с материа-

лами из Аманкутана⁴. Есть пластина с ретушью, напоминающая орудия из Тешикташа⁵. Следует отметить, что аналогичные ходжикентским крупные длинные пластины, снятые, по-видимому, с нуклеусов одноплощадного и двуплощадного типа, встречались и в первом слое Тешикташа⁶. Сходные материалы найдены А. П. Окладниковым в открытых мустьерских местонахождениях Кайраккумов, в долине Сыр-Дарьи, у Ленинбада⁷.

На основании скудных костных остатков животных можно сказать, что люди из Ходжикентского грота охотились за дикими баранами, кабанями и козами. Можно полагать, что они питались также черепашками. Но полное представление о жизни ходжикентских неандертальцев составить пока что трудно, ибо раскопки здесь еще не закончены.

Х. Насретдинов

⁴ Д. Н. Лев. Археологические исследования Самаркандского государственного университета в 1955—1956 гг., «Труды СамГУ им. Алишера Навои», Новая серия, вып. 101, История, часть вторая, Самарканд, 1960, стр. 13, рис. 14.

⁵ А. П. Окладников, Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия), Тешик-Таш, Палеолитический человек, М., Изд-во МГУ, 1949, рис. 31, 3, 4.

⁶ Там же, рис. 31, 4, 5.

⁷ А. П. Окладников, Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарьи осенью 1955 г., Археологические работы в Таджикистане в 1955 г., в кн.: «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XIII, 1956.

КНИГА О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

В исторических решениях XXII съезда КПСС и новой Программе партии указывается на необходимость дальнейшего всестороннего развития и расцвета культуры всех народов СССР, социалистической по содержанию и национальной по форме. Говоря о национальной форме социалистической культуры советских наций, Программа КПСС подчеркивает, что исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются, и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни¹.

Поставленная партией задача — «добиваться дальнейшего всестороннего расцвета социалистической культуры народов СССР»² — делает еще более важным и актуальным глубокое изучение исторического процесса создания и развития социалистической культуры советских наций, в том числе узбекской советской социалистической нации.

В этой связи следует приветствовать появление книги канд. филос. наук С. Шермухамедова «О национальной форме социалистической культуры узбекского народа»³, представляющей не только теоретический, но и практический интерес.

Само название работы говорит о том, что автор акцентирует внимание именно на проблеме соотношения содержания и формы, общественного бытия и общественного сознания.

Рецензируемая работа состоит из введения, двух разделов (по три главы в каждом) и заключения.

В трех главах первого раздела в исторической и логической последовательности

рассматриваются теоретическая, политическая и экономическая основы формирования и развития социалистической культуры узбекского народа. Естественно, что здесь основное внимание сосредоточивается на содержании культуры узбекской советской социалистической нации.

Во втором разделе книги рассматривается национальная форма этой культуры. Три главы данного раздела посвящены языку, национальному характеру и национальному быту как важнейшим компонентам национальной формы культуры.

Что же касается заключения, то оно по своему содержанию, на наш взгляд, нарушает стройность изложения вопроса в целом. В сущности, это не подведение итогов изложенного выше материала, а новая глава или даже новый раздел (согласно принятому автором соотношению разделов и глав), ибо здесь рассматриваются различные отрасли культуры: литература и искусство, архитектура, изобразительное искусство театр, киноискусство, физическая культура, деятельность культурно-просветительных учреждений и т. д.

Мы считаем, что было бы более целесообразным и по существу и с точки зрения стройности изложения превратить заключение в третий раздел книги, показав в нем социалистическое содержание и национальную форму культуры узбекского народа в их единстве на конкретном материале различных отраслей ее. Разумеется, объем данного раздела в этом случае должен был быть значительно расширен.

При ознакомлении с книгой явственно ощущается большой запас теоретического и фактического материала, которым оперировал автор, что дало ему возможность свободно и квалифицированно освещать рассматриваемые вопросы. Теоретической и методологической основой работы послужили произведения классиков марксизма-ленинизма, важнейшие решения КПСС, выступления руководителей Коммунистической партии и Советского государства. Фактический же материал почерпнут авто-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 115.

² Там же.

³ С. Шермухамедов, О национальной форме социалистической культуры узбекского народа, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961 (Институт философии и права), 94 стр.

ром из широкого круга источников и литературы.

Автор подчеркивает, что возникновение, утверждение и расцвет социалистической культуры в нашей стране являют собой торжество великого учения марксизма-ленинизма и полностью опровергают всякие домыслы буржуазных «теоретиков», пытающихся отрицать способность трудящихся масс и целых народов к самостоятельному историческому творчеству в области культуры.

В книге показана решающая роль Коммунистической партии и Советского государства в социалистическом преобразовании нашего общества, в том числе его культурной жизни; раскрывается определяющее значение в этом процессе социалистического способа производства.

По всей работе красной нитью проходит мысль о том, что победа культурной революции в Узбекистане, расцвет духовной жизни узбекского народа, бурный рост его культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, обеспечен: мудрой ленинской национальной политикой Коммунистической партии и Советского государства, нерушимой дружбой народов СССР, героическими усилиями самого узбекского народа, опирающегося на всестороннюю братскую помощь великого русского народа и других советских социалистических наций.

Из второго раздела книги С. Шермухамедовна хочется особенно отметить главу, посвященную характеристике языка, как одного из важнейших компонентов национальной формы культуры каждого народа. Автор показывает древность, самобытность, красоту и силу языка узбекского народа, способность его к развитию и обогащению, в том числе путем взаимодействия с языками других народов. Вместе с тем отмечается отрицательное влияние на развитие узбекского народа и его языка нашествий иноземных завоевателей и многовекового расчленения узбекского народа между различными государствами. На этом фоне особенно ярко выглядит бурное развитие языка и всей культуры узбекского народа после победы Великого Октября. Наглядно и интересно показано в книге отражение в узбекском языке экономического, политического и культурного развития Советского Узбекистана, формирования и расцвета узбекской социалистической нации, все более тесного сближения советских социалистических наций, приобретающих общие, интернациональные черты духовного облика.

Так же методически верно и интересно, но, быть может, несколько схематичнее, дается описание национального характера и национального быта узбекского народа (во второй и третьей главах второго раздела).

Весьма ценным является наличие в кни-

ге конкретных, обоснованных предложений автора по улучшению использования и развития различных элементов национальной формы культуры в направлении наибольшего соответствия их единому, интернациональному содержанию.

Вместе с тем книга С. Шермухамедовна не лишена и существенных недостатков, тем более досадных, что они, на наш взгляд, являются прежде всего результатом редакционных недоработок. И здесь главная вина ложится на самого автора. Эти недостатки присущи даже некоторым важнейшим определениям и принципиальным положениям.

Например, социалистическое содержание культуры характеризуется в книге то как сама советская действительность, то как ее отражение, причем в одном случае — как вообще отражение ее с марксистских позиций, а в другом — только «в специфических национальных формах литературы и искусства» (стр. 39). Вместо того чтобы говорить об осуществлении, как единственно возможного, ленинского пути создания новой социалистической культуры в борьбе с авантюристическими разрушителями всякой культуры — «пролеткультовцами» — на стр. 15 говорится о *двух* путях, которыми «могло идти» создание социалистической культуры.

Из данного автором (стр. 72) определения «национального быта» не ясно, что же такое быт: совокупность отношений людей, совокупность вещей или то и другое вместе? Если, по признанию самого автора, быт не ограничивается характером костюма, домашнего обихода, обряда и обычаев, а включает в себя более широкий круг отношений и условий (элементы здравоохранения, пользование культурно-просветительскими, спортивными и иными учреждениями), то почему последние не включены в определение «национального быта»? Как понимать в данном определении «национального быта» выражение «общность национального костюма, домашней обстановки, хозяйственных принадлежностей...» — в смысле принадлежности одного предмета всем или в смысле общности характера, типических признаков предметов?

Недостаточное внимание уделено показу новых, социалистических традиций, ставших общими для всех народов нашей Родины. Говоря о национальных особенностях культуры узбекского народа, автору следовало бы подчеркнуть духовное сближение всех социалистических наций и в этой связи более детально вскрыть диалектический процесс развития национальной формы социалистической культуры.

Автор фактически ничего не говорит о том, как сложится судьба национальных культур при коммунизме. Между тем, известно, что при коммунизме и по форме,

и по содержанию культура будет общенародной, общечеловеческой.

Надо было также глубже и полнее раскрыть сферу действия основной функции Советского государства — хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы — на примере Узбекской республики, показать решающую роль Советского государства в приобщении широких масс к передовой социалистической культуре.

С. Шермухамедов правильно отмечает реакционную роль ислама, но недостаточ-

но останавливается на пережитках этой религии, которые и сейчас в известной мере мешают поступательному ходу нашего общества.

Но все эти недостатки легко устранимы, и они не меняют общей положительной оценки книги С. Шермухамедова, вносящей определенный вклад в изучение социалистической культуры узбекского народа.

Н. Р. Косенков, Р. Шарафутдинова

ТРАДИЦИОННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАВОИВЕДОВ

9 февраля 1962 г. Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина совместно с Комитетом Навои провели очередную, VI традиционную научную конференцию, посвященную изучению литературного наследия Алишера Навои. В конференции приняли участие и гости из братских республик — член-корр. АН УзССР, доктор филол. наук, проф. Х. М. Араслы и каракалпакский литературовед канд. филол. наук И. Т. Сагитов.

Конференцию открыл вступительным словом председатель Комитета Навои член-корр. АН УзССР, доктор филос. наук, проф. В. Ю. Захидов.

Первым с докладом «Навои и Кишвар» выступил проф. Х. М. Араслы. Он говорил об отражении традиций Навои в творчестве классика азербайджанской литературы Кишвари.

Затем был заслушан доклад члена-корр. АН СССР и АН УзССР, проф. А. К. Боровкова «К литературной истории четверостишия «туюк», посвященный характеристике литературного жанра «туюк» и, в частности, «туюкам» Навои. Поскольку проф. А. К. Боровков не смог прибыть на конференцию, его доклад зачитал канд. филол. наук Х. Т. Зарипов.

Канд. филол. наук С. Т. Ганшева сделала доклад на тему: «Навои и Сахиб Даро», уделив при этом главное внимание марсии таджикского поэта Сахиба Даро, посвященной Навои.

Канд. филол. наук поэт М. Шейхзаде

говорил в своем докладе о некоторых малоизученных художественных особенностях лирики Навои. Докладчик особенно подчеркнул новаторский характер поэтики Навои.

Об эстетическом идеале великого узбекского поэта говорилось в докладе канд. филол. наук А. Хантметова.

Канд. филол. наук А. Рустамов прочел доклад «Вокализм в узбекском литературном языке XV в. и некоторые вопросы транслитерации произведений Навои».

Канд. филол. наук И. Т. Сагитов, сделал доклад на тему «Навои и каракалпакская литература».

В докладе канд. филол. наук И. Р. Раджабова были подняты некоторые вопросы изучения музыки эпохи Навои.

Отражению традиций Навои в узбекской сатире XIX в. посвятил свой доклад канд. филол. наук А. Абдугафуров.

В прениях по докладам приняли участие доктор филол. наук Х. С. Сулейманов, научный сотрудник Института языка и литературы АН УзССР Ш. Ишанходжаев, аспирант Я. Исаков.

Выступив с заключительным словом, проф. В. Ю. Захидов отметил, что конференция прошла живо и интересно, на высоком научном уровне, и проведение ее, несомненно, будет содействовать дальнейшему глубокому изучению творческого наследия Алишера Навои.

М. Мирзаахмедова

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

В феврале 1962 г. исполнилось 125 лет со дня смерти величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, бесмертное творчество которого вошло в сокровищницу мировой литературы. Эта дата была широко отмечена во всей нашей стране, в том числе и в Узбекистане.

10 февраля 1962 г. Правление Союза советских писателей Узбекистана и Инсти-

тут языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР провели совместную научную сессию, посвященную 125-летию со дня гибели гениального русского поэта.

Сессию открыла директор Института языка и литературы канд. филол. наук Х. У. Курбанова. Вступительное слово произнес канд. филол. наук, известный поэт Узбекистана М. Шейхзаде. Затем участники научной сессии заслушали доклады кан-

дидатов филол. наук М. М. Расули — «А. С. Пушкин — великий русский поэт», С. С. Касимова — «А. С. Пушкин и узбекская литература» и Д. Ш. Шарипова — «Переводы А. С. Пушкина на узбекский язык».

На сессии выступили со своими переводами пушкинских произведений на узбекский язык поэты Узбекистана — Аскад Мухтар, Д. Джабаров, М. Бэбаев. Поэт М. Шейхзаде прочел в переводе с персидского на узбекский язык поэму известного азербайджанского поэта-демократа Мирза Фатали Ахундова, посвященную Пушкину и написанную в год смерти поэта.

14 февраля 1962 г. в Доме ученых был организован вечер, посвященный Александру Сергеевичу Пушкину. Перед собравшимися с докладами выступили сотрудники Института языка и литературы АН УзССР — кандидаты филол. наук М. М. Расули и С. С. Касымов.

Юбилейные дни А. С. Пушкина были широко отмечены в советской периодиче-

ской печати, в том числе в журналах и газетах Узбекистана. В частности, сотрудники Института языка и литературы АН УзССР опубликовали ряд статей, посвященных памяти Пушкина, в газетах «Правда Востока», «Қызыл Узбекистон» и т. д. (Д. Шарипов, А. Абдугафуров, С. Касымов, С. Зайцев, И. Кабулова, И. Майорова, М. Протасова, И. Темкина и др.).

Слава и гордость русского народа — Александр Сергеевич Пушкин — навсегда останется в сердцах всех поколений советских людей, как великий патриот своей Родины, страстный борец за свободу, поэт-гуманист, основоположник русской литературы и русского литературного языка. Пушкин — наш современник. Гениальное творчество великого поэта стало неотъемлемой составной частью нашей культуры, оно помогает нам строить светлое здание коммунизма — прекрасного будущего всего человечества.

С. Зайцев

МУНДАРИЖА

Ҳ. П. Пўлатов. Бизнинг Ленинимиз.	5
Ю. Д. Столярова. В. И. Ленин санъатда гўзаллик ҳақида.	10
Е. И. Гостеева. Улуғ рус мутафаккири ва революцион-демократи (А. И. Герценнинг туғилганига 150 йил тўлиши муносабати билан).	16
М. Иброҳимов. Машинасозликда ишлаб чиқаришнинг поток методлари ва уларнинг иқтисодий эффекти.	21
З. К. Аҳмаджонова. Бухоро темир йўлининг қурилиш тарихидан (1914—1916 йиллар).	29
М. А. Бобоҳўжаев. XIX аср давомида ва XX аср бошида мавжуд бўлган инглиз-афгон муносабатларини бузиб кўрсатиш йўлидаги бир уриниш ҳақида.	39
В. Абдуллаев. XIX асрда Бухорода навойихонлик ва Навоий издошлари.	48

Илмий ахборот

Қ. Назаров. Советлар ҳузуридаги социалистик қонунчиликни қўриқлаш ҳамда жамоат тартибини сақлаш комиссияларининг иши ҳақида.	56
Г. С. Қунавина. Лена воқсаларининг Туркистон темир йўли ишчилари- нинг революцион ҳаракатига таъсири (Ленада отишнинг 50 йилли- ги муносабати билан).	59
Х. Насриддинов. Тошкент атрофидаги мустъер ёдгорлиги — Хўжакеит 2-ғори.	63

Танқид ва библиография

Н. Р. Қосенков, Р. Шарафутдинова. Ўзбек халқининг социа- листик маданияти ҳақидаги китоб.	68
--	----

Хроника

М. Мирзаҳмедова. Навоийшуносларнинг традицион конференцияси.	71
С. Зайцев. Улуғ шоир хотираси	71

СОДЕРЖАНИЕ

Х. П. Пулатов. Наш Ленин.	5
Ю. Д. Столярова. В. И. Ленин о прекрасном в искусстве.	10
Е. И. Гостеева. Великий русский мыслитель и революционный демократ (К 150-летию со дня рождения А. И. Герцена).	16
М. Ибрагимов. Поточные методы производства в машиностроении и их экономическая эффективность.	21
З. К. Ахмеджанова. К истории строительства Бухарской железной дороги (1914—1916 годы).	29
М. А. Бабаходжаев. Об одной попытке фальсификации англо- афганских отношений в XIX—начале XX века.	39
В. Абдуллаев. Навоиские чтения и последователи Навои в Бухаре в XIX веке.	48

Научные сообщения

К. Назаров. О работе комиссий Советов по охране социалистической закон- ности и общественного порядка.	56
Г. С. Кунавина. О влиянии Ленских событий на революционное движение железнодорожных рабочих Туркестана (К 50-летию Ленского расстрела).	59
Х. Насретдинов. Ходжикентская пещера № 2 — мустьерский памятник близ Ташкента.	6

Критика и библиография

Н. Р. Косенков, Р. Шарафутдинова. Книга о социалистиче- ской культуре узбекского народа.	68
---	----

Хроника

М. Мирзаахмедова. Традиционная конференция павонведов.	71
С. Зайцев. Памяти великого поэта.	71

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, на одной стороне листа стандартного размера.

2. Сноска также печатается через два интервала и помещается вверху страницы, а не в конце статьи.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, издательство, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала (в кавычках), год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений, а также краткое резюме (до 1/2 стр. машинописи) на русском и узбекском языках.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные, на глянцевой бумаге, рисунки — выполненные тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. На обороте каждого рисунка надо указывать фамилию автора, название статьи, номер рисунка. К иллюстрациям следует прилагать список подписей под рисунками (в двух экземплярах).

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Следует указывать дату отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Объем не должен превышать:

а) для статей — 1/2 печ. л. (12 стр. машинописи);

б) для научных сообщений и рецензий — 1/4 печ. л. (5—6 стр. машинописи);

в) для хроникальных и других заметок — 2—3 стр. машинописи.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

Адрес редакции: г. Ташкент, п/о 34, ул. Навои, д. №55-а, Институт истории и археологии АН УзССР, для отв. секретаря журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Технический редактор *Х. У. Карабиева*

Р03574 Сдано в набор 9/III—1962 г. Подписано к печати 12/IV—1962 г.
Бумага 70×108 $^{1/16}$ —2,38 бум. л.—6,51 печ. л. Уч.-изд. л. 6,15 Изд. № 453/62
Тираж 1170 экз. Цена 40 к.

Типография Издательства АН УзССР, Хорезмская, 9. Заказ 236.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

Цена 40 к.